

У мертвых кудесников длинные руки

Николай Романецкий
Утонувший в кладезе

«Автор»

Романецкий Н. М.

Утонувший в кладезе / Н. М. Романецкий — «Автор», — (У мертвых кудесников длинные руки)

Чародей Свет Сморода, теперь уже кадровый сотрудник новгородских спецслужб, направлен в портовый город Ключград с заданием расследовать весьма необычное убийство одного из своих соратников. Есть версия, что к убийству приложил руку варяжский лазутчик. Свет вынужден остаться один на один с гипотетическим противником, поскольку возникает подозрение, что в Ключграде действует необычайно сильный колдун, само существование которого противоречит всему тому, чему Света и его коллег учили в школе волшебников. Впридачу вокруг Света начинают плести интриги отечественные маги, которым Сморода перешел дорогу в смысле карьерного роста...

© Романецкий Н. М.

© Автор

Содержание

Часть первая.	5
1. Накануне. Ключ Колотка.	5
2. Век 76, лето 3, 1 день вересня (1.09.1995 A.D.)	10
3. Взгляд в былое: век 76, лето 2, червень.	12
4. Ныне: век 76, лето 3, вересень.	20
5. Взгляд в былое. Снежана.	44
6. Ныне: век 76, лето 3, вересень.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ник. Романецкий

Утонувший в кладезе

*Утонувший в кладезе на печи не прогреется.
Словенская поговорка*

Часть первая. Смелость чародея

1. Накануне. Ключ Колотка.

– Ступайте с миром, муж-волшебник! – Сувор Нарышка протянул Ключу десницу. – Да пребудут с вами Сварожичи!

В последнее время, если не было дождя, оба отпускали кареты – Сувор личную, а Ключу принципатовскую – и отправлялись домой пешим порядком.

Ныне дождя не было.

– Ступайте с миром, сударь! – Ключ крепко пожал приятелю руку.

Князь Сувор заторопился к воротам фамильного особняка, в семейный уют, под крылышко к родителям, молодой жене да младшим сестрам. В ауре его вовсю сияли голубые перуновы цвета – любой волшебник за версту мог видеть, что парень уже успел стосковаться по бабьей плоти.

Ключу Колотке спешить было не к кому. Дома его не ждали ни родители, ни молодая жена, ни братья с сестрами. Разве лишь слуги да служанки... А уж по бабьей-то плоти Ключ и вовсе ввек не тосковал.

Правда, Снежана Нарышкина, восемнадцатилетняя сестрица Сувора, заглядывалась на братова соратника-приятеля, когда тот приезжал в дом Нарышек, но то проявлялся естественный бабий инстинкт: Снежану брала в оборот Додола. А в общем-то, девица была образованной – и потому прекрасно ведала, что в личных отношениях с волшебником ей ничего не светит. Хоть ежа проглотите, Снежаной Колоткиной вы станете токмо в собственных снах. Скорее рак на горе свистнет!..

Ключ вздохнул. Сожаления в этом вздохе не было и на каплю – большую часть из прожитых тридцати лет Ключа готовили к полному отсутствию женщин в его судьбе. Должен же волшебник хоть чем-то платить богам за свой Талант! Если жизнь без баб вообще можно считать платой...

Впрочем, в последнее время среди словенских колдунов пошли слухи, будто бы несостоявшийся кандидат в новые Кудесники чародей Светозар Сморода, якобы, открыл некое заклятье, придающее, якобы, корню волшебника нормальную, якобы, мужскую силу.

Но слухи суть слухи – от них корень, вестимо, и на мизинчик младенческий не отвердеет. А сам Светозар Сморода и вовсе ни гу-гу, буде и открыл что-то подобное, так помалкивает себе в тряпочку.

Правда, волшебников его открытие не особенно и занимает. Это женщины лишились бы от новости сей умишка последнего, с их неумирающими бабьими предрассудками, а мы, знамо дело, и без оногo заклятья прекрасно обойдемся. Жили ведь допрежь братья-волшебники без него, и ни один век жили...

Ключ сплюнул – душа требовала разрядки – и зашагал к дому.

Сумеречное небо, еще недавно накрывавшее город пепельным зонтиком, теперь обратилось в плотный черный полог. Шустрые ключградские фонарики успели завершить свои ежевечерние хлопоты: вдоль ночных улиц протянулись цепочки чугунных перстов, в стеклянных колбах которых печорский болотный газ безо всякого колдовства оборачивался уютным желтоватым сиянием.

Говорят, наши литейщики – лучшие мастера в подлунной; изготовленные ими фонари отличаются не только изрядной прочностью, но и особым изяществом. Словно танцовщицы в кордебалете – такие же стройные. Вот токмо насчет балетных танцовщиц, вестимо, привирают людишки. Скорее уж фонари похожи на зубы гребня. Такие же одинаковые... Ишь выстроились!

Клюй снова сплюнул. Однако припозднились они с князем ныне. Уже и на улицах нет ни души.

И в самом деле – улицы Ключграда были пусты. Лишь время от времени попадались на росстанях дежурные квартальные, провожали запоздалого прохожего цепкими взглядами. Ауры у них пылали что ваши фонари: служба стражника во все времена тревожна, а подобной ночью – и в особенности.

Мысли Ключа вернулись к событиям нынешнего дня.

А день нынешний оказался, как и ночные квартальные, тревожным. Едва Клюй прибыл в принципат, его тут же пригласили в зал собраний.

Войдя туда, Клюй удивленно присвистнул: промеж сотрудников-ключградцев мелькали тут и там обветренные, темные с устатку лица, принадлежащие воеводам линейных отрядов. Совет оказался общим, а о подобном сборе ему следовало бы ведать заранее. Впрочем, хозяин, известное дело, барин. А наш, с его отношением к волшебникам, и вовсе голубая кровь!..

Когда все расселись, вошел принципал министерства безопасности по Северо-Западному рубежному округу, и зал тут же утонул в тяжелой, душной, наполненной ожиданием тишине.

Порей Ерга был введен в должность совсем недавно, весной, однако успел показать себя вполне грамотным и требовательным начальником. Родом он был из вологжан, изрядно поокивал, и первое время воеводы рубежных участков – все как один родившиеся и выросшие на чухонских землях – за глаза посмеивались над говором нового принципала. Но уже через месяц им стало не до смеха. В общем-то, варяжская граница и так не позволяла рубежникам впадать в спячку. Однако Ерга нашел дополнительные возможности по ужесточению рубежного режима.

Тем более странным показалось то, о чем он поведал собравшимся ныне. Впрочем, начал он издали:

– Воеводы! Мужики-волшебники! Судари! Всем вам известно, что перед Паломной седмицей число засылаемых в Великое княжество Словенское лазутчиков резко увеличивается. Со своей стороны, мы принимаем все оперативные меры для того, чтобы в сии дни увеличилось и число лазутчиков разоблаченных. Меры эти вам хорошо ведомы, и останавливаться на них я не намерен. – Принципал обвел присутствующих строгим взглядом. – На днях министром были подведены итоги нашей работы в нынешнюю Паломную седмицу. Что же оные итоги показывают? – Ерга сделал паузу и продолжал: – А показывают они следующее. Если в былые лета число разоблаченных варяжских лазутчиков среди паломников по сравнению с обычным временем увеличивалось в пять-семь раз, то ныне возрастание оказалось всего лишь двойным. Это первое.

По залу разнесся сдержанный ропот.

Ерга поднял десницу, останавливая шум:

– Второе. Полтора месяца назад наша закордонная агентура сообщила, что в начале серпеня будет осуществлен переход словенских рубежей специальным отрядом лазутчиков. К сожалению, участок, где планируется нарушение границы, агентура установить не сумела, как не смогла сообщить и более точного времени перехода. Вестимо, мы тут же привели линейные

отряды в полную боевую готовность. Тем не менее в обусловленный период ни одного нарушения границы обнаружено не было. – Принципал вновь обвел присутствующих суровым взглядом. – И я вовсе не считаю, что министерство безопасности в столице и рубежники Северо-Западного округа проспали супротивника... Третье. Исходя из кое-каких данных, в том числе и агентурных, есть все основания предполагать, что, в отличие от прошлых лет, в нынешнем червене варяги не слишком активизировали заброску своих лазутчиков в нашу страну. Что же касается событий последнего месяца, существует возможность того, что нашей агентуре подбросили дезинформацию, и на самом деле лазутчиков след ждать несколько позднее. Скажем, ныне. Или завтра...

В отличие от воевод, Ключ не был взволнован: для него в выступлении принципала не прозвучало ничего сногшибательного. Разве что несколько натушной выглядела ссылка на возможность дезинформации. Он индо пожалел, что его Талант не способен различать в ауре цвета лжи: было бы любопытно проверить принципала на умение врать не краснея.

Совет продолжался обычным чередом. Воеводы клятвенно заверяли начальство, что мимо их колдунов и мышь не проскользнет. Ерга встречал оные клятвы ледяным молчанием. Ключ помаленьку скучал. Наконец Ерга дал воеводам соответствующие моменту напутствия и завершил совет:

– Докладывайте о любых происшествиях, особенно, буде они покажутся вам хоть чем-то странными. Все свободны... – Он повернулся в сторону Ключа. – Колотка! Попрошу вас ко мне.

Вот сейчас в его ауре наверняка не было следов лжи.

Ключ пошел за принципалом. Войдя в приемную, кивнул секретарю, получил ответный кивок. Ерга предупредил секретаря, что его для посетителей «категорически нет», и проследовав в кабинет, указал Ключу глазами на кресло справа от стола. Сам же подошел к окну. Отдернув тяжелую плюшевую штору, некоторое время смотрел на улицу. Что он там разглядывал, Ключ не знал. Впрочем, похоже, принципал и не видел за окном ничего, просто размышлял. Наконец, он задернул штору, отошел от окна, плотно прикрыл дверь в зеркальную и сел за стол.

– Вот что, Колотка... – Ерга почему-то ввек не называл Ключа в беседе «мужем-волшебником». – То, о чем я вам сейчас поведаю, не могло прозвучать на общем совете с линейными воеводами. Однако допрежь мне хотелось бы узнать, как вы сами оцениваете сложившуюся ситуацию.

Для того, чтобы узнать мою оценку, необязательно собирать общий совет, подумал Ключ. Впрочем, у новой метлы всегда шершавые прутья...

– Нынешняя ситуация в нашем районе особенно выдающейся мне не представляется. А вот то, что во время паломничества не наблюдалось активной заброски лазутчиков, я бы назвал подозрительным.

– Да-да, – сказал Ерга. – Елочки-сосеночки, именно так! Мне подобное событие тоже кажется подозрительным...

С чего бы такое волнение? – подумал Ключ. И заметил:

– Однако это головная боль руководителей министерства в столице, а не наша с вами.

Принципал энергично вскинул квадратный подбородок:

– Не скажите, Колотка, не скажите! Столичные дела, вестимо, без нас обойдутся... Однако мне ситуация в нашем районе кажется странной. – Он сделал ударение на слове «мне». – Ведь ввек не было такой тишины. Такой сомнительной тишины... Елочки-сосеночки, люди сбиваются с ног. Вы видели сегодня их лица?... А результата нет.

Ключ поморщился – он по-прежнему не понимал, куда клонит принципал, – и сказал:

– Ваша версия относительно дезинформации не кажется мне убедительной. Я знакомился с материалами нашего варяжского агента. Он сильный волшебник и не...

– То, что я говорил о дезинформации, – перебил его Ерга, – предназначено лишь для линейных воевод. Чтобы они по-прежнему сохраняли бдительность. На рубеже возможны

инциденты, и в самом деле уготовленные для дезинформации. С целью отвлечения наших сил совсем от других событий...

– Что-то я вас не понимаю, – признался Ключ. – Вы полагаете, мы способны...

– Я полагаю, что заброска лазутчиков состоялась именно в те самые сроки, о которых сообщил наш агент.

– Не думаю, – сказал Ключ. – Конечно, существует вероятность, что рубежники пропустили отдельных лазутчиков. Но чтобы не поймали вообще никого!.. Нет, это невозможно.

– Елочки-сосеночки, а буде они и не могли их поймать?! – Голос принципала откровенно дрогнул. Ерга встал и прошелся по кабинету. Остановился перед Ключом, в упор посмотрел на подчиненного. – А буде наши рубежники были *не* способны поймать этих лазутчиков?!

– Среди рубежников много колдунов, – возмутился Ключ. – Они выявят любые оставленные следы.

– А буде они *не* сумели выявить эти следы? Ведь колдовская наука не стоит на месте.

Ключу ничего не оставалось, как ошарашено захлопать ресницами.

– Вы имеете в виду, что наших колдунов на время лишили Таланта?..

– Я имею в виду, что лазутчики могли воспользоваться новейшими достижениями колдовской науки и именно потому наши рубежники не поймали их. – Принципал вернулся за стол. – Сам я, увы, не волшебник. И потому не способен даже догадываться, что могло быть использовано врагом при переходе границы. Этим должны заняться вы. Безотлагательно. Если вашей квалификации не хватит, немедленно подготовьте обращение в канцелярию Кудесника. Разработайте план противодействия лазутчикам с привлечением к работе всех местных колдунов. Если потребуется моя помощь, обращайтесь в любую минуту – я предупрежу секретаря. – Ерга встал. – Вопросы есть?

Встал и Ключ:

– Покудова нет, принципал. Но будут.

Ерга кивнул:

– Привлеките к работе Сувора Нарышку. Елочки-сосеночки, я уверен, вам потребуются не токмо колдуны.

Озадаченный Ключ отправился к себе...

Весь оставшийся день они с Сувором выполняли полученное задание. Вскоре Ключ и сам убедился, что сомнения принципала в его, мужа-волшебника Колотки, способностях справедливы: квалификации не хватало. Ключ даже приблизительно не мог себе представить, чем были способны прикрыться воображаемые лазутчики. Пришлось заняться обращением в канцелярию Кудесника. Курьер с соответствующей бумагой отбыл в столицу после обеда...

Ключ ступил на Синицын мост. Зодчий Любомир Синица построил шесть мостов через Неву, но Синицыным называли почему-то именно этот – не первое сооружение мастера и не последнее; и не самое красивое, кстати. На мосту было ветрено. В круге света под центральным фонарем торчал одинокий городской. Ключ кивнул служителю порядка – городской был знакомым, встречались как-то по служебным делам. Правда, имени его Ключ, сколь ни старался, не вспомнил.

Перейдя на Межневье, двинулся по Княжеской набережной. Здесь тоже было пустынно. Свист ветра напрочь заглушал шаги, и Ключ обернулся: ему показалось, будто за ним кто-то идет.

Сзади вправду маячила фигура запоздалого прохожего.

Однако тот находился довольно далеко – саженях в пятидесяти – и, похоже, отнюдь не стремился догнать Ключа. А потом и вовсе прислонился к ограде одного из особняков – то ли, пользуясь безлюдностью набережной, решил справить мелкую нужду, то ли попросту пребывал в изрядном подпитии. Во всяком случае, вздумай он догнать Ключа, шаги бегущего человека тот бы услышал – все-таки ветер был не настолько силен, чтобы заглушить топот. Да и

что, собственно говоря, запоздалый прохожий сумел бы сделать мужу-волшебнику Колотке? Вестимо, он мог использоваться в качестве отвлекающего объекта, прикрывая собой кого-либо более серьезного... Но колдовское чувство тревоги у Ключа молчало.

Ключ дошел до угла Белореченской, снова оглянулся. Шатающегося пьяницы и след простыл. Ключ раздраженно сплюнул и свернул за угол.

Фонарь у особняка ключградского посадника сиял, аки полная луна. Говорят, лучший кузнец княжества потратил на его изготовление целую декаду, а обошелся он посаднику в месячный доход. Возможно, и не врут – взрачный фонарь. И решетка вокруг особняка тоже великолепна, вся в остриях, шарах и завитушках. А за решеткой – столь же великолепные розовые кусты. Не один парень мечтал нарвать для своей любушки букет посадских роз, но за решеткой ночью всегда бегают собаки. Вон одна из них сидит возле куста, недовольно косится в сторону замедлившего шаги прохожего.

Ключ вдохнул аромат роз и пошел дальше. До дома осталось шагать всего полквартала. На ужин ныне, кажись, вареники с вишней. И рагу из баранины... Миновав круг света от посадникова фонаря, он еще раз оглянулся. Позади никого не было.

И тут его свалили с ног.

Падая ничком, Ключ успел сгруппировать Талант, чтобы Силой отразить нанесенный удар. Однако отражать его было не в кого – супротивника рядом не ощущалось. Тогда Ключ перевернулся на спину. Вокруг – пустота. Тем не менее он тут же почувствовал, как полоснули острым по горлу. Попытался крикнуть, но захлебнулся горячей кровью.

Страх не было. Ключ еще успел услышать раздавшийся невдалеке тоскливый собачий вой. А ведь она завывала по мне, сообразил он.

И канул во тьму.

2. Век 76, лето 3, 1 день вересня (1.09.1995 A.D.)

Когда Свет вошел в купе экспресса «Нева», следующего из Новагорода в Ключград, Буривой Смирный уже был на месте. Колдовской баул его и чехол со шпагами занимали часть багажной полки, а на койке лежал знакомый темно-синий чемодан. Сыскник, наклонившись, копался в его чреве.

– Здравы будьте, чародей! – Смирный повернулся к вошедшему.

– Будьте и вы здравы, брате!

Свет посторонился, пропуская в купе носильщика. Тот быстренько сориентировался, угнездил на багажной полке немногочисленную кладь, замер в ожидании. Свет открыл кошелек, расплатился, и облагодетельствованный чаевыми носильщик принялся отвешивать поклоны.

– Премного благодарен, чародей! – Поклон. – Счастливого пути, судари волшебники! – Еще один поклон. – Как говорят моряки, сажень вам под килем! – Снова поклон.

Наверное, собственная буйная фантазия утвердила носильщика в мысли, что он похож на ваньку-встаньку.

Свет ответил ему коротким кивком, и ванька-встанька, поняв всю тщетность дальнейшего своего лицедейства, выкатился из купе. Через секунду уже было слышно, как он гундит что-то в коридоре. Наверное, жаловался Мокоши на скупердяйский характер обладателей колдовских баулов. Знамо дело, его мало волновали интересы государственной казны: ведь он ни разу в жизни не встречался с Великокняжеским казначеем. Да и финансовые отчеты о командировках ему составлять вряд ли приходилось.

Свет скинул с ramen плащ, пристроил на вешалку. Опустил столик и, подобравшись к открытому окну, провел по краю рамы перстом. Удовлетворенно хмыкнул: рама оказалась безупречно чистой.

По перрону сновали туда-сюда торговцы всех сортов и мастей, предлагая отъезжающим разнообразную снедь. Едва Свет выглянул в окно, к нему тут же устремилась с лотком на животе и пестерем за раменами пышная разбитная бабенка в голубом платке. Поверх накрытого белой тканью лотка рвались из платья объемистые, весьма смахивающие на пару кроватных подушек перси.

– Не хотите ли жареную курочку, сударь?

Привлеченный звуком ее голоса, к окну подошел Смирный. Свет посторонился, мотнул головой.

– Возьмите курочку. Недорого отдам. Опосля курочки и с женой краше спится! Силушка немереная... Ой! – Бабенка, окинув взглядом потенциального покупателя, заметила на его руке Серебряное Кольцо и смущенно прикрыла ладошкой чувственный ротик.

– Не нужна мне курочка, молодница, – сказал Свет. Ему вдруг захотелось схулиганить. – Я бы кое-что другое у вас взял... – Он выразительно посмотрел на обтянутые ситцем перси лоточницы и подмигнул.

Бабенка смутилась еще больше, зарделась, словно маков цвет, как-то нерешительно прыснула в кулак и немедленно сбежала к соседнему вагону.

Свет поморщился: все женщины реагировали на произносимые им двусмысленности совершенно одинаковым образом. Знамо дело – не привыкли молодницы слышать подобного рода намеки из уст обладателя Серебряного Кольца.

– Странно от вас слышать такое, чародей! – Смирный смотрел на Света с неподдельным изумлением.

Свет скрыл готовую родиться усмешку: она бы показалась сыскнику не менее чудной, чем услышанная минутой ранее чародеева глупость. А как бы поразился Смирный, если бы узнал,

что Светозар Сморода делит постель с собственной служанкой!.. О Сварожичи, да сыскника бы, наверное, удар хватил!

– Чему только жизнь не научит! – Свет изобразил на своей физиономии некую мину, отдаленно похожую на смущение лоточницы. – Дабы вызвать на разговор женщин, брате, иногда вполне подходят как раз такие вот, глупые на первый взгляд слова. Ну, я и тренируюсь понемногу. Правда, сейчас потерпел неудачу...

Смирный похлопал ресницами, раздумывая над Световым объяснением, и согласно кивнул:

– Пожалуй, вы правы, чародей... Странно, что мне это не приходило в голову – я ведь в сыске намного дольше вас. Надо будет взять сей метод на вооружение.

Возьмите, подумал Свет. Да только ничего у вас, брате, не получится. В сказанных вами двусмысленностях не будет ни малейшего намека на правдоподобие, а женщины очень справно чувствуют, привлекательны они для вас или нет.

Мысли его обратились к дому.

Забава, едва он сообщил, что отправляется в Ключград, почему-то взволновалась. Можно подумать, он прежде не ездил в другие города. Можно подумать, ей ждать его впервые...

– Скажите, чародей, – продолжал Смирный. – Что за пожар случился с этой ключградской командировкой? У меня остались незавершенные дела. К тому же, сегодня первый день месяца. Отчет, сами понимаете...

Свет пожал раменами:

– Личный приказ Кудесника, брате. Ключградской службе безопасности потребовалась срочная помощь. На вокзале нас встретит Клюй Колотка. От него-то, думаю, мы и услышим все необходимые разъяснения.

Однако, когда через три часа они прибыли на Центральный вокзал Ключграда, их встретил совсем другой человек, назвавшийся Сувором Нарышкой. А необходимые разъяснения прозвучали следующим образом:

– Здоровы будьте, судари! К сожалению, у нас произошла трагедия. Ныне ночью муж-волшебник Клюй Колотка был найден на улице с перерезанным горлом. Вас ждет принципал министерства по Северо-Западному рубежному округу Порей Ерга. Но допрежь визита в принципат вам надлежит немедленно осмотреть место убийства. Таково распоряжение принципала.

3. Взгляд в былое: век 76, лето 2, червень.

Откуда-то появилось ощущение присутствия наблюдателя. Свет обернулся, глянул в заднее окошечко. Позади его кареты тащился новомодный, пришедший из Аглиции и широко распространившийся в последнее время по городам Словении экипаж. В Аглиции такие экипажи назывались кебами, местные же остряки с самого начала нарекли их «трибунами».

Свет попросил Петра повернуть налево, потом, через квартал, направо, а потом вернуться на набережную. Все сомнения тут же исчезли: трибуна явно преследовала его карету. Свет велел Петру остановиться, спустился на тротуар и зашагал в сторону преследователя. Тут же возникло ощущение смертельной угрозы. Свет вскинул руку с Серебряным Кольцом и сотворил мысленное заклинание. Несомненно, в трибуне находился маг, ибо Свет немедленно уловил сопротивление. Длилось оно всего пару секунд, но для мага это было достаточное время. И подходя к трибуне, Свет уже знал, что увидит.

Извозчик, заметив Серебряное Кольцо, тут же остановился:

– Что прикажете, чародей?

Свет открыл дверцу, заглянул внутрь.

Он помнил, что должен увидеть. Мужчина лет тридцати, мертвые глаза смотрят в никуда, из рта тянется бледно-зеленая струйка рвоты. На полу под ногами – пистолет...

О Свароже, как это? Почему!?

Действительно, мужчина лет тридцати в трибуне присутствовал. А вот мертвыми глазами и не пахло. Наоборот, очи мага были живыми и колючими, взгляд их оказался откровенно-насмешлив. Неожиданный оказался взгляд. Пистолет, правда, на поле недавней битвы тоже имелся. Маг преспокойненько и преаккуратненько засовывал его в правый карман серого аглицкого плаща.

Зачем ему плащ? – подумал Свет. Ведь ныне тепло. Да и дождя вроде бы не ожидается...

И тут же понял, что не этот вопрос должен сейчас занимать чародея Смороду.

Между тем маг разобрался с пистолетом, снова улыбнулся и прогромычал:

– Ну вот и конец, сударь волшебник. За все приходится платить. В том числе и за любовь. Тем паче столь квалифицированному колдуну, как вы.

Он неспешно, по-хозяйски – словно покидал собственную постель, – выбрался из кареты на тротуар.

Свет попятился:

– Кто вы такой?

– Семаргл Сварожич, собственной персоной, – громыхнул маг. – Не ждали, брате чародей?.. А зря! Прошу любить и жаловать. Явился за вашим Талантом.

Вот и конец, сударь волшебник, мысленно повторил Свет. За все приходится платить...

И тут Семаргл толкнул его в плечо:

– Свет!

– Да, – сказал Свет, внутренне холодея. Зажмурился. – Я понимаю, боже...

Сердце зашло от жалости к самому себе. Сейчас произойдет непоправимое, сейчас!..

Его снова толкнули в плечо. Потом еще раз. И еще.

И тогда Свету ничего не осталось, кроме как проснуться.

– Свет! – В плечо его толкала Забава – осторожно, мягко, по-кошачьи. Ласкала, а не толкала...

– А?.. Что?..

– Мне след идти, Светушко.

Свет непонимающе захлопал ресницами. Забава была одета, смотрела на него с любовью и нежностью, так, как смотрела уже не единожды. Но присутствовало на этот раз в девичьем взгляде и что-то новое, странное, доселе невиданное.

– Выпустите меня, Светушко. Пожалуйста! Меня, должноть, уже вовсю дядя ищет.

Свет бездумно совершил привычные и непривычные волшебные манипуляции. Охранное заклятье на дверях гостевой исчезло, все еще твердый корень обмяк.

О Свароже, поразился Свет. Как так?!. Оказывается, Сила-то меня покудова не бросила.

Забава расценила его потрясение на свой лад, виновато улыбнулась, поправила перед зеркалом волосы и, кинув еще один нежный взгляд, вышла. А он принялся одеваться – медленно, раздумчиво, со вкусом. Его почему-то изрядно донимало то новое, невиданное, что он заметил в глубине Забавиных глаз. Впрочем, какое там, к лешему, невиданное!.. Ведь именно такими взорами одаривала иногда Берендея Станислава. А на него самого, Света, недавно так же вот смотрела Криста.

И потрясение исчезло. Вернулась привычная способность мыслить логически.

Ладушки-оладушки, сказал себе Свет. Не будем суматошиться, брате чародей. Все случившееся уже случилось, и ничего не вернешь. Теперь самое время подумать, как жить дальше.

Он закрыл баул и отнес его в кабинет.

Думать оказалось столь же легко, сколь заниматься с Забавой любовью, – мысли бежали свободно и стремительно. Аки облачка по свежему ветерку. Чудными и неожиданными были оные мысли.

Выходит, то, что ему внушали последние тридцать лет, оказалось враньем. Таланта он не потерял... Впрочем, сие еще следует хорошенечко проверить. Все ли колдовские способности остались при нем и в полном ли чародейском объеме? Охранное-то заклятие с двери гостевой он снял без проблем, а вот что будет с другими манипуляциями?

Он сел за стол, судорожно потер ладонью чело. В душе вновь зародилось волнение.

Нет, брате, сейчас главное – отнюдь не проблема собственных способностей. Это мы успеем обдумать позднее... Что там говорила Криста про Репню Бондаря?.. Нет, и это сейчас не самое главное. Самое же главное – то, что она, Криста, исчезла. Растаяла, как снег в неожиданную цветенскую жару... И не сегодня-завтра об исчезновении паломницы проводят те, кому положено знать такие вещи. И тогда Кудесник обязательно призовет чародея Смороду к ответу. И никуда от него не деться... Вот вам, брате, главное!..

Свету стало жутковато.

Какие выводы сделает Остромир из приключившегося? Может быть, никаких. А может, и самые надлежащие... В любом случае будут вопросы. И как тогда себя вести? Можно, вестимо, пойти напролом – зарезать, так сказать, правду-матку. Только кто ей, правде-матке, поверит? Историей про рожденную вашим Талантом богиню вы, брате чародей, попросту пытаетесь прикрыть собственное беспардонное разгильдяйство! К слову, а почему бы вам не использовать для этого сказочку про белого бычка? Она, на мой взгляд, более пригодна. Потому что более правдива... Э-э-э, постойте-ка, а с чего это вдруг вы взялись за столь несерьезное дело как сочинительство? Почему другим чародеям для разрядки вполне хватает обычных занятий фехтованием, вам же потребовалось вымысливать литературные писания?.. Нет, не поймет его Кудесник, ни коим образом не поймет! Значит, придется объявить, что кандидатка в новые матери ясны попросту сбежала из чародеева дома. Не спросивши разрешения хозяина... В подобном ответе тоже радости маловато, но, по крайней мере, он не вызовет у Остромира сомнений в психическом здоровье чародея Смороды. Возникнут, правда, изрядные сомнения в квалифицированности одного чародея, но тут уж ничего поделать не удастся. Выше головы, как известно, не прыгнуть! А с сомнениями в квалифицированности справиться можно. Если не снизился уровень Таланта... Нет, об этом потом... Что еще? Конечно, Кудесник, узнав, что проверяемая девица обвела чародея вокруг перста, будет раздражен вдвойне. Во-первых, сие

означает, что она достаточно сильная колдунья, дабы и в самом деле оказаться новой матерью Ясной. А во-вторых, толку с этого ни крошки, ибо она колдунья пропала и пропала бесследно...

Свет покачал головой.

Да, куда ни киньте – везде клин! Хотя есть у чародея Смороды и определенные достижения. Убийцу академика Барсука-то, как-никак, поймали не без его помощи. Это вам не фунт изюму!.. Поимка сия дорогого стоит! Буня-то Лапоть не где-нибудь, в задрипанной прирубленной щели окопался, а у Путяты Утренника, в самом сердце министерства безопасности. Кто знает, может, Буня убил электронщика вовсе не своею волею, а по прямому заданию варягов или ордынцев?.. Так что разоблачение Лаптя чародею Смороде, знамо дело, зачтется.

Свет снова покачал головой.

Есть лишь одна малая загвоздочка, брате... Вышата Медонос приложит все свои силы, чтобы затушевать успехи чародея Смороды, но выпятить на первый план его промахи. По сусалам конкурента, по сусалам, Велес его заberi, проклятого Светозара Смороду!.. Конечно, так случится, буде Вышата получит об оных успехах и промахах соответствующую информацию. А вот здесь все уже зависит от одного и только одного Кудесника: пожелает Остромир раздуть скандал или не пожелает... И он, Свет, повлиять на главу Колдовской Дружины в нужном направлении сейчас не способен. Впрочем, надо полагать, время до конца Паломной седмицы у него имеется, может быть, удастся что-либо придумать...

Есть, к слову, еще одна непростая проблема. Как теперь вести себя с Забавой? Впрочем, тут-то существует масса вариантов. Все ж таки девица – простая служанка и полностью зависит как от собственного дяди, так и от своего хозяина. И если она не дура – а Забава далеко не дура, – то прекрасно должна понимать: член Палаты чародеев не может резко переменить свой образ жизни. Вестимо, леший их ведает, всех этих влюбленных женщин, что у них на уме! Дети, наверное... По крайней мере, теоретически вроде бы должно быть именно так...

Свет встал из-за стола, прошелся по кабинету, выглянул в окно, на прогулочные пароходики и парусные ушкуи, неторопливо перевозящие по Волхову туристов и новгородцев. Снова сел, тупо уставился в лежащие на столе бумаги.

Как вести себя с Забавой, он понятия не имел. И посоветоваться не с кем! У волшебников не бывает подобных проблем...

Он вспомнил все, что произошло в гостевой. Нет, с Забавой было совсем не так, как с Кристой. Того, острого наслаждения, пронзившего тело и душу, с Забавой и близко не получилось. Было очень странно и чуть-чуть волнительно. И физические нагрузки изрядные. Не меньше, чем при работе со шпагой – движения-то непривычные.. Но с Кристой была *радость*. Здесь же – нет! А ведь именно Забава имела полные основания назвать его любодеем, своим мил-сердечным другом. У паломницы-то были совсем другие намерения. Любовь она использовала отнюдь не для любовных целей... Впрочем, ладно, с Забавой время тоже терпит. И что бы она себе ни возомнила, дальнейшую судьбу чародея Смороды в любом случае решит Кудесник. Эх, если бы квалифицированные волшебники обладали практическим даром заглядывать в будущее! Но увы... Ладушки-оладушки, за неимением гербовой пишут на простой. Так займемся пока проверкой своих способностей.

* * *

Проверкой он занимался до обеда.

В трапезной Забава вела себя вроде бы по-старому. Но, видно, что-то изменилось в ней, что-то, незаметное одному лишь Свету, ибо домашние время от времени бросали на нее откровенно удивленные взгляды.

После обеда Свет продолжил проверку.

Все оказалось как нельзя лучше: Талант присутствовал в привычном чародейском объеме. И злоба к вечеру накатила чародейская, так что ужин тоже прошел в привычной атмосфере. Свет злился на домашних, а домашние, с свою очередь, скрывали свое раздражение выходками хозяина. Лишь Забава смотрела на него с жалостью, но эта жалость бесила Света еще больше.

Вечер тоже катился привычным порядком. Разве что никто не вызывал его по зеркалу, но ведь Паломная седмица всегда вносила в сложившийся распорядок дня свои коррективы.

Затем пришла ночь, и Свет понял, что ему пора за письменный стол. Однако, поднявшись в кабинет, он вспомнил не о самом мире без волшебников, а о рассказах Веры-Кристы.

Нет, не то чтобы он очень ей верил. По здравым размышлениям девица вполне могла соврать, как врала ему не раз. Но по тем же здравым размышлениям всякому чародею становилось понятно, что она вполне могла оказаться правой. Если Семарглова Сила дает вам возможность совершать недоступные не только простым людям, но и мужам-волшебникам манипуляции, почему эта Сила не способна создать вашей волей целый мир?.. Тем паче что Светозар Сморода – далеко не всякий чародей...

Если же оный мир и в самом деле был создан оним чародеем – пусть и по собственному неведению, – то... то получается аховое дело. Ведь беспричинно приносить вред людям означает заниматься Ночным колдовством. А с точки зрения волшебной этики обитатели созданного Светом мира в общем-то ничем не отличаются от обитателей мира, созданного Сварогом и Сварожичами. Вывод, судари мои, прост как дважды два – четыре!..

Однако сейчас вывод этот не радовал. Слишком уж Свет привык к работе над своими опусами! Слишком уж часто опусы помогали ему в разрядке! К тому же, бабушка надвое сказала – способен ли теперь чародей Сморода быть властителем созданного мира... А разрядка нужна! Иначе-то вам, брате, худо придется, сами ведаете!..

К счастью, до сочинительства дело не дошло, ибо тут же явилась Забава. В руках у нее был поднос со свежесваренным чаем, а под полурасстегнутым халатом – шелковая ночная сорочка. В *эдаком* виде она к нему раньше не приходила. И очень скоро получилось так, что Свет оказался не за столом, но на оттоманке, а Забава уже лишилась не только подноса, но и халата. И даже ночной сорочки в придачу.

Свет сотворял формулу охранного заклинания, потом накладывал заклятье на корень, а Забава всячески мешала его манипуляциям с Волшебной Палочкой. Потому что так и льнула к рукам. И опять это было волнительно, ибо выяснилось, что можно иметь полную власть над другим человеком безо всяких колдовских манипуляций. Вон как она! И на бок повернется, и на четвереньки встанет – все, что хотите... И Ночного колдовства не нужно – лишь обнажите тело!.. И, в конце концов, не велик сей труд – несколько десятков монотонных движений, если с их помощью можно привести другого человека в столь безудержную покорность!

Восхищенный этим неожиданным открытием, Свет вздохнул, совершил уже знакомое восхождение на знакомую вершину и принялся энергично двигать тазом. Вскоре он обнаружил, как тает в его душе злоба. А позже – когда Забава, перестав тихо постанывать и бурно содрогаться под ним, удовлетворенно засопела (Свет специально посчитал: для этого ему потребовалось двинуть тазом ровно сто восемьдесят три раза) – обнаружилось, что злоба и вовсе исчезла.

* * *

А наутро обнаружилось, что времени до конца Паломной седмицы у него нет – Кудесник призвал чародея Сморода к ответу немедленно.

В резиденции Остромира были тишь и пустота. Лишь торчали в коридорах безжизненными манекенами охранники, да в приемной сидел за своим столом обремененный извечными

секретарскими заботами Всеслав Волк. Поздоровавшись с чародеем кивком головы, Волк тут же без слов указал ему на дверь Остромирова кабинета.

Когда Свет вошел, Кудесник, по примеру своего секретаря коротко кивнув, вернулся к изучению некоего важного документа. Свет тихонько вздохнул: ему стало ясно, что аудиенция окажется не слишком приятной. Впрочем, особенных приятностей от нее он и не ждал. Все возможные приятности закончились вчера. Ныне – в расплату – начинались неприятности. И, знамо дело, исполать Семарглу, если ныне же они и завершатся.

Между тем Кудесник завершил-таки знакомство с более важными, чем аудиентор, бумагами. Поднял седовласую голову:

– Прошу, чародей, присаживайтесь.

– Здравы будьте, Кудесник! – Свет подошел к столу, сел в кресло.

Остромир некоторое время смотрел на гостя странным взглядом. Словно приценивался к весьма нужному, но вызывающему сомнения своим качеством товару. Потом сказал:

– Труп вашей подопечной нашли ныне в гостевом доме на Шимской. Как сие могло приключиться?

У Света отвалилась челюсть. Однако голова от потрясения работать не перестала.

Оказывается, подумал он, Криста произнесла фразу об убийстве претендентки на новую мать Ясну вовсе не в переносном смысле!.. Но как такое вообще могло произойти?.. Впрочем, об этом мы поразмыслим позже. Сейчас надо пользоваться моментом. Раз есть труп, есть и убийца. А убийство предполагаемой колдуньи – это вам не бесследное ее исчезновение. Здесь есть за что зацепиться. Однако я вчера явно дал маху. Надо было все же сообщить о том, что Криста исчезла. Вернее, Вера...

Кудесник расценил его молчание по-своему.

– Вы что же, чародей, индо не заметили, как подопечная ушла из вашего дома?

Вот она, спасительная ниточка, подумал Свет.

Он с шумом втянул в себя воздух и закрыл рот. А потом открыл:

– Что значит «ушла»? Как она могла от меня уйти? По-моему, она весь день просидела в своей комнате. И сейчас там сидит. Погодите-погодите... О Свароже! Неужели она меня... Хотя чему удивляться? Ведь она и в самом деле была колдуньей. В этом я убедился еще поза-вчера.

– Вы хотите сказать, что она вас заклала? – Кудесник в сомнении пожевал губами.

– Разумеется! – воскликнул Свет. – Каким еще образом она могла покинуть мой дом?! Похоже, дал я маху в этом деле. Я не хотел вчера вас беспокоить. Думал – теперь-то уже не горит. Ах, я осел безголовый...

Главное – самому признать свои ошибки, помнил он. Главное – признать их вовремя и в нужном месте...

Кудесник молча смотрел ему в лицо, потом прикрыл десницей глаза, и Свет почувствовал, что ментальная атмосфера в кабинете резко изменилась. Похоже, Остромир решил сразу прощупать своего чародея на ложь.

– Да, ну и дал же я маху!

Свет знал: для Остромира наибольший отпечаток на ауру собеседника производит последняя фраза, и в ней лучше всего не врать. Вообще!.. Об этом как-то заикнулся Всеслав Волк, когда кто-то назвал его «самым правдивым колдуном Великого княжества Словенского».

– Ну и дал же я маху, – горестно повторил Свет, качая буйной головой.

Кудесник открыл глаза. Однако заклятье продолжало действовать – это чародей чувствовал всем своим существом.

Чувствовал, но не волновался. В нем родилось какое-то странное спокойствие. Словно и не глава Колдовской Дружины сидел сейчас перед ним – так, мелкая сошка из неудачников-щупачей.

А фактически я до сих пор ни в чем почти и не соврал. Разве лишь по мелочи...

– Когда вы обнаружили исчезновение паломницы?

– Да я вообще не думал, что она исчезла, – сказал Свет. – Как можно?..

Ведь она и сейчас во мне, добавил он про себя. И всегда будет рядом. Тут уж заклинание на ложь не поможет. Ибо это самая настоящая правда.

По-видимому, выбранная им тактика поведения оказалась правильной. Во всяком случае Кудесник ничем не проявлял своих сомнений в словах чародея Смороды.

– А где нашли труп? – Чародей Сморода уже знал, какой ответ он услышит.

– В гостевой комнате, которую снимает щупач по имени Репня Бондарь. Вернее, снимал, потому что он тоже мертв.

– Бондарь?! – Свет постарался, чтобы удивление в голосе не получилось наигранным. – О Сварожичи! Ведь он же и выявил эту девицу среди паломников! Точно! Он потом еще приходил ко мне, кажется, в пятницу... Да, в пятницу.

Кудесник встрепнулся:

– Зачем?

– Предлагал устроить проверку паломнице с помощью своих сексуальных инструментов.

Проверка сия, правда, закончилась полной неудачей...

Кудесник снова встрепнулся:

– Почему?

И тут на Света снизошло вдохновение. Он почувствовал себя сидящим в родном кабинете за родным письменным столом. Перед ним лежал девственно-чистый лист бумаги, на котором требовалось отобразить то, чего никогда не происходило в реальной жизни. Задача чародею Смороде куда как знакомая, и выполнить ее можно с надлежащим упоением и не менее надлежащим успехом...

Кудесник слушал очень внимательно, изредка жевал губами, словно сомневался в излагаемом. Но закончив невольное сочинение на вольную тему, Свет сразу почувствовал, что ментальная атмосфера в кабинете Остромира вновь изменилась. И понял: эту схватку с планидой он выиграл. Окончательно и бесповоротно!

– Так-так-так, – проговорил Кудесник. – Теперь я понимаю сложности, перед которыми вы оказались... Однако ясности ваш рассказ не добавляет. Ибо рождаются целых две версии. По одной Бондарь и паломница выполняли некое задание супротивника. Задание, к слову, нам неведомое... Теперь же, опосля вашего рассказа, получается, что он вполне мог нанести ей девять ударов ножом из обычной ревности.

– А чем она ему ответила? – спросил Свет, потому что не задать этот вопрос было нельзя.

– Чем она ответила, мы не ведаем. Однако опосля одного ответа Бондарь ввел себе внутривенно смертельную дозу дигитоксина.

– И когда все это произошло? – спросил Свет, потому что и этот вопрос тоже нельзя было не задать.

– Вчера утром.

– Как вчера утром?! Это что же, получается, ее не было у меня весь вчерашний день?

Кудесник кашлянул, и Свету показалось, что этот негромкий звук призван скрыть испытываемое Остромиром смущение.

– Ничего не понимаю!

– Да, темное дело, – проговорил Остромир. – Впрочем, с какой стати мы уверовали в то, что наша наука до конца познала и самое волшебство, и волшебников?

– А может быть, здесь ошибка?.. Может, их обоих убил кто-то третий?

– Сыскники так не считают.

– Сыскники! – Свет, не удержавшись, фыркнул. – Могли бы и меня...

И тут же замолк, поняв, что слегка зарвался: не могли его привлечь к сыску. Попросту не имели права. Это стало бы нарушением законов сыска. Ведь чародей Сморода должен был считаться одним из подозреваемых. И даже не одним из, а, пожалуй, наиболее вероятным.

Отворилась дверь. На пороге бесшумно возник Всеслав Волк. Аки очнувшееся от дневной спячки привидение...

– Кудесник, только что прибыл посыльный от стражников. С тем самым пакетом.

– Давайте сюда.

Волк прошел к столу, положил перед Остромиром уже вскрытый пакет, застыл в выжидательной позе. Кудесник движением руки уснул его прочь, вытащил из пакета несколько листов бумаги. Внимательно ознакомился, хрюкнул и передал один лист Свету.

Свет взял бумагу в руки.

Судя по всему, это был рисунок, сделанный художником стражи. Стремительные уверенные штрихи справно прорисовывали искаженное смертным ужасом девичье лицо. Художник был мастером: с первого же взгляда становилось понятно, что перед вами лицо *неживого* человека. Паче того, со второго взгляда становилось понятно, что перед вами лицо человека, *убитого* другим человеком.

Свет содрогнулся: до него вдруг по-настоящему дошло, что когда Криста обучала его любодейству на Торговой набережной, в гостевом доме на Шимской *уже* лежал ее остывающий труп. А в том, что на рисунке изображена именно Вера-Криста, не было ни малейших сомнений. Даже будучи мертвыми, эти глаза оставались *ее* глазами. По-видимому, в работе справных художников тоже присутствует какое-то волшебство...

– Это она? – спросил Кудесник.

Да, хотел сказать Свет, но горло сдавило, как бывает при внезапно нахлынувшей злобе, и он нашел в себе силы лишь кивнуть.

– Рисунок сделан Святославом Боровиком, – заметил Кудесник, отбирая у Света бумагу.

Свет снова кивнул – теперь он узнал манеру художника. Боровик был известным в стране портретистом, рисовал членов великокняжеской семьи и даже самого Святослава XI Рюриковича, своего тезку. Однако Свету и в голову не приходило, что столь даровитый мастер иногда работает на государственную стражу. Чего ради?..

– Ему нравится рисовать убитых, – сказал Кудесник. – Он считает, у них удивительно выразительные лица. А стражники, вестимо, с удовольствием пользуются услугами Боровика. И ему интерес, и сыску польза... Ну ладно! – Кудесник аккуратно сложил листы в пакет. – Сыск будет идти своим чередом.

– А кто занимается убийством паломницы?

– Волшебник-сыскник Буриной Смирный. – Остромир произнес имя таким тоном, что Свет сразу понял: начальство решило не посвящать в проблемы, возникшие вокруг чародея Смороды, лишних людей. Это было добрым знаком. Тем паче что глава Колдовской Дружины нашел время лично поинтересоваться обстоятельствами свершившегося убийства. Впрочем, чему удивляться? Личность убитой подобного внимания стоила...

– Ну ладно, – повторил Кудесник, пряча пакет в ящик стола. – Говорите, паломница все же была колдуньей?.. Жаль!

Было ясно, что он действительно сожалеет о смерти перспективной девицы, но, с другой стороны, она же смерть и вычеркнула ее из поля дальнейших интересов государственного лица. У Кудесника есть и другие заботы.

– Представьте мне подробный рапорт о своей работе с паломницей, – продолжал Остромир. – Копию отправите министру Путяте Утреннику... А теперь перейдем к событиям позавчерашнего дня. – Он открыл одну из лежащих на столе папок. – Отчет министерства безопасности по этому делу у меня имеется. Однако волшебник-сыскник Смирный, судя по всему, оказался слишком потрясен случившимся и вряд ли был способен по прошествии столь корот-

кого времени описать события точно и беспристрастно. Поэтому в дополнение к его отчету я бы хотел послушать и вас.

По сердцу Света резануло беспокойство. Видимо, Кудесник решил сравнить рассказ Смирного с рассказом Смороды. Кажется, зря он, Свет, с головой уйдя в личные проблемы, не связался вчера с сыскником. Но времени на раздумья не оставалось. Ясно, правда, одно – Смирный вряд ли сумел придумать объяснения, которые потрясли бы его более, чем само случившееся.

Поэтому Свет снова сделал честные глаза и поведал Кудеснику обо всех событиях позавчерашнего дня, связанных с опекуном Буней Лаптем и паломницей, в особенности напирая на чудесные способности Веры – ведь оные способности вполне оправдывали его промах в глазах Кудесника.

И, похоже, он опять выиграл.

Все повторилось. Вновь дважды менялась ментальная атмосфера в кабинете Кудесника. Вновь Остромир пристально вглядывался в лицо своего чародея, вновь жевал губами. А потом сказал:

– Я удовлетворен. Сыскник Буриной Смирный поведал в своем отчете чистую правду.

Свет отметил про себя, что Кудесник сумел подать все таким образом, будто проверял именно Буриной Смирного, а вовсе не Светозара Смороду.

Это был добрый знак.

– Да-а-а, – сказал Остромир после некоторого молчания. – Мы и сами должны были бы догадаться, что кто-нибудь из наших волшебников озаботится сохранением статус-кво между традиционной и нетрадиционной науками. Неудивительно даже, что вплотную озаботился этим опекун министерства безопасности. С его точки зрения, труды Барсука несли реальную угрозу могуществу княжества. – Остромир убрал папку в стол и встал: – Ладно, брате чародей. В определенной мере я удовлетворен полученными от вас объяснениями. Однако вы должны понимать, что подобная неудача не может остаться без последствий. Поэтому властью, данной мне Великим князем, я решаю: с завтрашнего дня вы начнете работать непосредственно в министерстве безопасности. Ваш Талант принесет стране немалую пользу и на такой работе. Ступайте с миром, брате! – Он протянул Свету десницу.

Пожав ее, Свет быстренько убрался из кабинета.

Всеслав Волк попрощался с чародеем Смородой точно таким же рукопожатием, как и Остромир. А Свет подумал, что секретарь Кудесника чувствует отношение своего начальника к посетителям даже сквозь стену. Вот уж всем секретарям секретарь!..

Он прошел по пустым коридорам и лестницам резиденции, миновал охрану и вышел на улицу.

И только тут до него по-настоящему дошло, что все случившееся вчера *действительно* не лишило его Семаргловой Силы.

4. Ныне: век 76, лето 3, вересень.

Кучер чуть ли не беспрерывно нажимал грушу тревожного гудка, и карета двигалась по заполненным пешеходами улицам с достаточной скоростью. Стучали по мостовой копыта, поскрипывали рессоры, кучер что-то напевал себе под нос.

– Кто нашел Ключа Колотку? – спросил Свет сидевшего напротив молодого ключградца.

Честно говоря, этот парень его раздражал. Не может сотрудник министерства безопасности быть столь вызывающе красив. Лет двадцати пяти, голубые глаза, пшеничные волосы, волевой подбородок, прямой нос. Исполать богам, хоть особых примет нет!.. Впрочем, погодите-ка, ведь он назвался Нарышкой... А Нарышки – известная великородная фамилия, дальние родственники самих Рюриковичей. Тогда все с вами ясно, мил человек, – особая примета у вас хоть куда!.. И к серьезной оперативной работе вас, красавчик, на пушечный выстрел не подпустят, заниматься вам общим руководством всю жизнь...

– Колотку нашел ночной квартальный, – сказал красавчик. – Во время очередного обхода. Убитый лежал в луже крови – судя по всему, собственной. Впрочем, судари, сами увидите... Место преступления содержится в неприкосновенности. Наши сыскники-волшебники пытались произвести магическое проявление, но, похоже, в этом не преуспели. Принципал очень надеется, что вы окажетесь в силах нам чем-нибудь помочь.

– Понятно, – сказал Свет, переводя взгляд в боковое окошко.

Карета двигалась по мосту, под которым стыла мертвым волшебным зеркалом серая невиская вода.

Принципал, видите ли, очень надеется, подумал Свет с раздражением.

Магическое проявление на открытом воздухе было занятием безнадежным. Вестимо, кое-какие следы могут и сохраниться – на уличной ограде, к примеру (буде она деревянная), или ближайшем столбе, – но информации в этих следах, скорее всего, дохлый кот наплакал, а выявить их и вовсе практически нереально: малейший ветерок, и ее величество Спектрограмма радостно заявит вам: «Ступайте, сударь, с миром!» Будь вы хоть муж-волшебник, хоть чародей, хоть сам Кудесник! Спектрограмма на уровне квалификации не смотрит... Впрочем, кое-какие возможности у столичных сыскников имелись, но Сувору Нарышке, которого боги обделили Семаргловой Силой, знать все эти подробности было совершенно ни к чему. И потому Свет лишь переглянулся со Смирным.

– Орудие преступления, надеюсь, обнаружили? – спросил тот, но в голосе надежды не прозвучало.

Сувор Нарышка коротко мотнул головой. Однако после некоторой паузы добавил:

– Довольно близко от места убийства расположены розовые кусты. Их, чтобы не потревожить до вашего осмотра, еще не обыскивали... Хотя вряд ли нож валяется в кустах. Скорее всего он уже с ночи покоится на дне Невы.

– Розовые кусты, говорите? – Буриной Смирный сразу оживился. – Розовые кусты, сударь, – это весьма и весьма справно. Это такая удача, которая выпадает лишь в каждом десятом деле!

Свет снова глянул в окошко: теперь экипаж несея по набережной, и набережная эта показалась Свету знакомой. Однако табличек на домах не было – не столица, – а вспомнить название он не успел: карета завернула за угол и вскоре остановилась.

– Прибыли, судари, – сказал в переднее окошко кучер.

Сувор Нарышка выбрался на мостовую, столичные волшебники последовали за ним.

Карета стояла возле ограды особняка, который Свет сразу узнал: у ключградского посадника чародею Смороде бывать одна уже приходилось. Впрочем, особняк не был сейчас целью путешествия, цель была огорожена невысокими барьерчиками, от которых стоявшие в оцеп-

лении стражники, увидев прибывшее начальство, тут же принялись отгонять многочисленных зевак. Свет удовлетворенно кивнул: барьерчики были установлены по всем правилам – в пяти саженях от темного пятна на тротуаре, – а потому повлиять на ментальную обстановку, связанную с местом преступления, зеваки были не способны. Если они не колдуны...

Стражники установили барьерчики и внутри усадьбы посадника, окружив несколько розовых кустов, тянувшихся рядом на расстоянии полусажени от ограды. Аромат осенних роз ощущался в воздухе явственно, как будто над улицей только что прошел обильный дождь из духов.

Теперь Свет вспомнил название набережной: Княжеская. А улица, на которой они остановились, называется Белореченской. А ключградского посадника, помнится, величают Вороной Кудряш.

К начальству тут же подбежал стражник, доложил Сувору Нарышке о происшествии. Вернее о полном отсутствии оных – никто на место преступления не покушался, зеваки задавали обычные при таких обстоятельствах вопросы и распускали жуткие слухи. Вплоть до того, что, якобы, здесь, возле собственного особняка, зарезали самого ключградского посадника. Женщины уверяли друг друга, что совершили это неугомонные любители роз, для коих своя любовь дороже чужой жизни. Посадника, вестимо, жалко, но сам виноват, сударыня. Выращивал бы что-нибудь попроще!..

Сувор Нарышка прервал городского:

– Пропустите этих двоих к месту преступления!

Городовые отодвинули один из барьерчиков, и, сопровождаемые восклицаниями ожившихся зевак, волшебники приблизились к темному пятну на тротуаре. Пятно было немалым: видно, труп Ключа Колотки пролежал тут достаточно долго.

Свет быстро огляделся. Конечно же, о Спектрограмме в данных условиях и речь идти не могла. По-видимому, Буриной Смирный пришел к аналогичному выводу, поелику, крутанув головой, негромко сказал:

– Остаются розовые кусты.

Подошли к ограде. Розы пахли просто одуряюще, у Света индо возникло желание сорвать бутончик. Наверное, такое желание возникало у всякого, кто проходил мимо ограды. Однако сквозь ограду до роз было не дотянуться, а для желающих пробраться внутрь посадник наверняка держал собак. Впрочем, сейчас собак видно не было.

Свет мотнул головой, отгоняя посторонние мысли, и, сотворив формулу С-заклинания, включил Зрение.

Розы были как розы. Ни малейших следов психического шока, сопровождающего любую пагубу. Если же при нападении на Ключа Колотку использовали магию, то это была очень странная магия, не оставившая на розовых кустах никаких волшебных отпечатков.

Свет повернулся к Смирному:

– Ваши впечатления, брате?

– Ничего не вижу, чародей... Муж-волшебник Колотка умер не здесь. Магия тоже не использовалась. Разве что супротив убитого применили заклятье, недоступное моему Зрению.

– И моему тоже. Правда, таковыми владеет разве лишь Кудесник... Может быть, Колотку убили в другом месте и привезли сюда труп?... Но тогда откуда на тротуаре столько крови?

– Не знаю, брате Свет, не знаю... – Буриной пожал раменами. – Думаю лишь, что тут нам с вами больше делать нечего. Следов нет!

Сувор Нарышка ждал их возле отодвинутого барьера, взгляд его был полон надежды. В ауре переливались агрессивные цвета – похоже, парень дорого бы дал за возможность отомстить неведомому убийце.

Толпа зевак вокруг барьерчиков состояла из совершенно дюжинных людей, болтливых, шумных и глупых.

Свет мотнул головой:

– Мы ничего не обнаружили, сударь.

Откровенная надежда в глазах Нарышки сменилась не менее откровенным разочарованием.

– Полагаю, слуг посадника уже опросили? – осведомился Буриной Смирный. – Может быть, кто-нибудь заметил что-либо странное. Или кого-либо... Экипаж, к примеру, ночью возле дома остановился, а потом быстро уехал...

– Опросили. – Нарышка устало вздохнул. – Никто ничего странного не заметил. Разве лишь садовник слышал, как вечером, ближе к ночи, выла собака. Но выла – не лаяла... Во всяком случае, вой этот садовника не озаботил. Да и выла она, по его словам, очень недолго. Не дольше минуты. Другие собаки молчали...

– Ладно, – сказал Свет. – Больше нам здесь делать нечего. Поехали к принципалу. – Он оглянулся на стражника, поедающего начальство преданными глазами. – Полагаю, оцепление теперь можно снять. Да и кровь смыть, если врачи с нею уже поработали.

Свет со Смирным направились к карете, а молодой ключградец принялся отдавать распоряжения. Кучер его, такой же светловолосый красавчик, что и хозяин, – разве лишь глаза серые да нос картошкой – бурчал себе под этот самый нос какую-то мелодию (кажется, «Я у мамочки платочек утащила...») и с интересом разглядывал снующих среди зевак молоденьких девиц. Видать, не впервые привозил Нарышку к месту убийства...

– Странное преступление, – сказал Смирный, когда они очутились в карете. – Никаких магических отпечатков. Словно брат Колотка позволил убить себя дюжинному человеку и при этом, скажем, наложил на себя С-заклинание, дабы не осталось следов шока. Я, правда, не слышал о существовании подобных заклинаний, но ведь когда волшебник умирает, все его заклятья тут же начинают терять силу.

– Или следы шока умудрился уничтожить сам убийца, – пробормотал Свет, мысленно ухмыльнувшись.

– Что вы сказали, чародей?

– Нет-нет, брате... – Свет махнул рукой. – Это размышления вслух. Не обращайтесь внимания.

Ему очень хотелось ухмыльнуться в открытую, но ухмылка чародея показалась бы Буриной Смирному явлением не менее экстраординарным, чем отсутствие магических отпечатков на месте убийства волшебника.

Все-таки большинство членов Дружины воображением не отличаются, подумал Свет. Увы, они попросту не способны представить себе, что в подлунной может существовать волшебник, гораздый обойтись без следов своего активного пребывания! Впрочем, два лета назад чародей Сморода обладал столь же «развитым» воображением... Нет, воистину, дабы колдуны хоть чуть-чуть изменились, мир должен вывернуться наизнанку. И как жаль, что у нас не сыскалось покамест второго академика Барсука!.. Уж он-то мир бы вывернул. С ног бы на голову поставил. Не зря же Буня Лапоть пошел на все, дабы отнять у него такую возможность!..

Появившийся в карете Нарышка прервал его размышления. Ключградец уселся на скамейку без слов. Теперь разочарованием были переполнены не только его глаза, но и каждое движение. Свету индо стало жаль парня: уж слишком тот надеялся на столичных специалистов. Хотя, что с него спрашивать?.. Молод покудова, верит в безграничную силу волшебников... Ну, а это дело поправимое, пообтерхаётся еще, поймет, что колдуны-то колдуны, да мы и сами не болтуны.

Карета тронулась. Свет оглянулся в заднее окошко. Да, молодость работе не помеха... Во всяком случае, дело у разочаровавшегося в столичных колдунах парня было поставлено справно. На месте преступления уже появилась запряженная парой муругих пожарная

цистерна с водой, один из стражников тянул от нее к темному пятну на тротуаре брезентовую кишку, а другой шагал туда же со щеткой.

– Вот и все, – сказал глухо Нарышка. – Жил-был Ключ Колотка, и нет его. И хваленое волшебство не защитило!..

Свет повернулся к нему. Разочарование на лице ключградца сменилось глубокой печалью. Похоже, Колотка был для этого парня не только коллегой по работе, но и другом-приятелем.

– Мы с Ключем дружили, – подтвердил Нарышка Светову догадку. – О Сварожичи! Да я бы его убийцу голыми руками задавил! Ведать бы – кто!..

Свет опять про себя ухмыльнулся. Колотка был для вас, сударь, другом-приятелем, но вы-то для него – вряд ли. Или я совершенно не разбираюсь в колдунах... Впрочем, он тут же не согласился с самим собой. Ибо вспомнил, как во времена его молодости некий новоиспеченный муж-волшебник по имени Светозар Сморода находился со своими коллегами по работе в несколько иных отношениях, чем ныне. И неожиданно для самого себя нынешний Светозар Сморода положил десницу на плечо молодого ключградца и легонько пожал его. Двадцатипятилетний обычный человек по имени Сувор Нарышка воспринял сей жест как должное, но сверстник чародея, сыскник-волшебник Буриной Смирный глянул на брата Света с некоторым удивлением.

– Мы обязательно найдем убийцу, сударь, – проговорил Свет. – Правда, брате Буриной? И брату Буриной не осталось ничего, кроме как согласно кивнуть:

– Вестимо, найдем!

Но удивления во взгляде брата Буриной не убавилось.

Ключградец, однако, на его удивление и внимания не обратил. На смену тоске-печали вновь пришла надежда. И, по-видимому, не только надежда, ибо Нарышка сказал:

– Судари волшебники, я приглашаю вас обосноваться у меня. Батюшка и матушка будут очень рады принять в своем обиталище таких гостей.

Свет со Смирным намеревались поселиться в местном гостевом доме Колдовской Дружины – как и положено волшебнику, находящемуся в служебной командировке. Но чародею Смороде вдруг до смерти не захотелось, чтобы надежда на лице этого парня вновь сменилась разочарованием. В конце концов краса и молодость не могут быть поставлены человеку в вину. И потому Свет сказал:

– Благодарим за оказанную честь, княже. Мы с мужем-волшебником, в свою очередь, будем рады разделить хлеб-соль с вами и вашими уважаемыми родителями. Я прав, брате Буриной?

И снова брат Буриной согласно кивнул. Но удивлением на его лице теперь и не пахло.

* * *

Порей Ерга явно ждал их с нетерпением, потому как секретарь проводил столичных волшебников в кабинет начальника, едва оные перешагнули порог приемной.

Кабинет был обычный: массивный, аки постамент Бронзового Всадника, стол, покрытый изумрудным сукном; вдоль стены ровным ратничьим строем вытянулись залятые на ментальность хозяина шкафы; на окнах – казенного вида зеленые шторы; слева от стола сейф, а справа еще одна, малозаметная дверь – по-видимому, в зеркальную. Перед столом-постаментом расставлены несколько зеленых же кресел.

С чародеем Смородой начальник министерства безопасности по Северо-Западному рубежному округу был знаком ранее, а мужа-волшебника Смирного чародеев ему представил. Опося представления заезжие гости расселись в кресла, и Ерга тут же в них вцепился:

– Ваши впечатления о деле, судари?

– Впечатления весьма и весьма смутные, – признался Буриной Смирный. – Мы только что с места преступления. Магическая атмосфера там постижима мало, а уж если быть правдивым до конца, так и вовсе непонятная.

Ерга перевел хваткий взгляд на чародея Смороду, но тот промолчал.

– Единственным полезным объектом на месте убийства должны были стать розовые кусты, – продолжал Смирный. – Однако, как ни странно, розы ничего не смогли нам поведать. Словно убийство было совершено в другом месте, а к нынешнему месту преступления привезли уже мертвое тело. Вот токмо крови многовато натекло... Словом, чушь какая-то получается.

Сувор Нарышка поднял руку:

– Вы упомянули о магической атмосфере. Значит, подозреваете колдуна. А буде Ключа убил вовсе не колдун?..

Буриной Смирный пожал раменами:

– Дело в том, что никому из простых смертных... – Он глянул на Сувора и поправился: – Никто из не имеющих Таланта не смог бы утаить своего присутствия от роз, а мы бы, разумеется, эту информацию из растений вытащили. Даже каждый поодиночке... Однако информации там круглый ноль. В моей практике такого еще не встречалось!

Ерга снова глянул на Света.

– Брат Буриной прав в своих выводах, – сказал тот. – И тем не менее существует версия, способная объяснить сию чушь.

Брат Буриной удивленно распахнул глаза, и Свет поспешил объясниться:

– Эта версия пришла мне в голову секунду назад, брате... А заключается она все-таки в том, что Ключа Колотку убил волшебник. Либо волшебник прикрыл своими чарами непосредственного убийцу из не обладающих Семаргловой Силой. Вот только оный волшебник имел очень справную квалификацию.

– Неувязка по времени! – воскликнул Смирный. – Кто бы решился торчать столько времени возле убитого? Мне бы, например, для того, чтобы столь чисто снять с растений следы болевого шока, потребовалось бы не менее получаса. А буде при этом оставаться невидимым, то и вовсе два часа.

– Мне примерно столько же, – согласился Свет. – Разве лишь Кудесник проделал бы это быстрее... Но если объявился Талант, способный совершить такое, скажем, за минуту, то моя версия очень многое объясняет. И невидимость в этом случае не нужна. Постороннего колдун почувствует задолго до того, как будет обнаружен. Ему вполне хватит времени, чтобы закончить работу и скрыться.

Сувор Нарышка молча переводил взгляд с одного гостя на другого. Принципал тоже молчал, усиленно размышляя.

– Елочки-сосеночки, – сказал он, вздохнув, – ваша версия лишь подтверждает мои худшие подозрения. Похоже, варяги сумели-таки забросить к нам своих лазутчиков. И эти лазутчики обладают столь высокой квалификацией, что наши волшебники-рубежники попросту не сумели обнаружить следов нарушения границы. Судари, вы читали документ, который мы вчера отправили в канцелярию Кудесника?

– Да, – сказал Свет. – Кудесник предоставил нам возможность ознакомиться с вашей бумагой. Я, правда, не вполне представляю, чем, исходя из содержания оной записки, мы способны помочь вам практически. Даже если мы с мужем-волшебником Смирным пройдем вдоль всего рубежа, что, как вы сами понимаете, невозможно, то и в этом случае нам вряд ли удастся обнаружить на местности следы колдуна с таким Талантом.

Порей Ерга вскинул на него глаза:

– То есть вы считаете, что мы оказались беззащитны перед нарушителями.

Свет поморщился: все-таки тяжело разговаривать с дюжинными людьми. Слишком много они не понимают... Да и ни к чему пугать принцепала раньше времени.

– Столь однозначно я бы утверждать не взялся, – сказал он. – Дело в том, что у варягов вряд ли имеется большое количество альфаров, обладающих Талантом подобного уровня. Как вы считаете, муж-волшебник?

Буривой Смирный не был дюжинным человеком, и ему ход мыслей чародея Смороды стал понятен сразу.

– Я тоже сомневаюсь, чтобы колдовская наука Скандинавской империи достигла подобных успехов, – отозвался он. – Иначе наша закордонная агентура наверняка бы сумела выявить этот факт. Большое количество волшебников столь высокой квалификации от чужих глаз не скроешь. У них должна быть несколько иная аура, чем у обычных колдунов. Если бы вы могли видеть наши с чародеем ауры, вы бы сразу обнаружили разницу.

– Теория, правда, допускает возможность того, что свою ауру можно кардинально изменить, – сказал Свет, – но на практике действующие подобным образом заклятья нам не известны. Поэтому я думаю, что если и сумели варяги достичь подобного уровня, то оных магов может быть лишь несколько человек. Два-три, не больше. Скорее всего – и вовсе один!.. А в такой ситуации самый простой путь выхода на лазутчиков – это поиск убийцы. Насколько мне известно, никто из ключградских волшебников в одиночку справиться бы с Колоткой не сумел. Или надо допустить возможность существования внутри Колдовской Дружины заговора, направленного против сотрудников министерства безопасности. Впрочем, официальным порядком никто из чародеев в Ключград в последнее время не выезжал. Надо, конечно, проверить – не предпринял ли кто такое путешествие частным порядком.

Ерга посмотрел на Сувора Нарышку, и тот, достав из кармана записную книжку, тут же сделал в ней пометку.

– Одним словом, – продолжал Свет, – я считаю, что чисто теоретически смерть Колотки вполне может быть связана с гипотетическим нарушением границы.

– А вот я так в этом просто уверен, – воскликнул Ерга. – Возможно, была подготовлена неглупая провокация. Отвлечь наше внимание на убийство, а покудова мы будем разыскивать преступника или преступников, произойдут гораздо более серьезные по последствиям для Словении события.

Свет снова поморщился.

Нет, принципалу не понять волшебников. Ему не понять, что для подготовки колдунов высокой квалификации требуется целая государственная служба, да и та еще не гарантирует вам успеха. Потому что она служба должна быть вооружена соответствующими достижениями науки и иметь для работы достаточный – и, к слову сказать, весьма немалый – период времени. Да и эти факторы еще ничего не гарантируют. Надо еще, чтобы пестуны работали с соответствующе одаренным материалом. Да еще, чтобы оный материал прошел пресловутое испытание Додолой. Так устроен богами мир. Во всяком случае, до последнего времени было именно так. А что касается колдовской науки, то уровень ее развития приблизительно одинаков во всех цивилизованных странах. Конечно, время от времени кто-то где-то вырывается вперед, но не надолго и не намного, ибо скрыть большие рывки попросту невозможно. Да и не бывает в науке больших рывков – для каждого шага вперед требуется немалая подготовка. И все эти шаги постоянно публикуются в научных журналах. Ибо любое умолчание само по себе станет достаточно красноречивым фактом и тут же привлечет внимание к данному направлению. Это вам не электроновая энергия, о которой известно с гулькин нос! Да и в этой науке успехи, в конечном счете, не утаишь... По крайней мере, именно на паритете научных знаний держится мировое политическое равновесие в течение последних десятилетий.

– Вы не рассматривали случившееся под таким углом зрения, чародей? – спросил Ерга, и в его голосе прозвучало тщательно скрываемое ехидство.

Ответить Свет не успел.

Стремительно открылась дверь. В кабинет ввалился взволнованный секретарь.

– Прошу прощения, принципал! Только что прибыл курьер от врача-сысчника. Он привез срочный пакет. Магическая печать на пакете не нарушена.

– Извините, чародей! – Ерга повернулся к секретарю. – Пригласите курьера ко мне.

Секретарь вышел, через несколько мгновений на его месте возник курьер, быстрым шагом подошел к столу, положил перед Ергой опечатанный пакет. Ерга расписался в получении и, когда курьер удалился, взломал сургучную печать.

– Елочки-сосеночки! – пробормотал он, прочитав сообщение. – Оказывается, Ключу Колотке горло вовсе не перерезали. Оказывается, его загрызла собака.

– Это невозможно! – сказал Буриной Смирный. – Животные, даже зараженные бешенством, ввек не нападают на квалифицированных волшебников.

– А волшебникам неизвестны заклятья, с помощью которых можно было бы управлять животными, – добавил Свет. – Разве что обычные методы дрессировки... Впрочем, отсутствие заклятий вовсе не означает, что оные в принципе невозможны...

По-видимому, Порей Ерга и сам имел представление о взаимоотношениях волшебников и животных. Во всяком случае, он снова задумался. А подумав, сказал:

– Что ж... Теперь я склонен согласиться с вами, судари волшебники. Стало быть, вам придется заняться поисками убийцы.

– Мы займемся, – сказал Свет. – Однако порядка ради сообщите о случившемся Кудеснику Остромиру и министру Утреннику. Поелику наши задачи изменились кардинальным образом, мы, прежде чем приступить к сыску, хотели бы получить письменное подтверждение полномочий.

– Елочки-сосеночки! – Ерга хлопнул десницей по столу. – Вы получите свое подтверждение! Я отправлю курьера в столицу ближайшим же поездом!

* * *

Всю дорогу от принципата до дома Сувора Нарышки кучер бурчал под нос мелодию «Я у мамочки платочек утащила...». А Свет усиленно размышлял, верно ли они со Смирным поступили, согласившись поселиться у молодого ключградца. В самом деле, с точки зрения элементарных законов сыска они совершали очевидную ошибку – ведь Сувор, будучи знакомым с Ключем Колоткой, автоматически должен входить в число подозреваемых. Тем паче что он оказался последним, кто видел мужа-волшебника в живых...

Однако интуиция говорила Свету, что подобное подозрение сродни летошнему снегу. Нет, не мог этот красавчик убить своего начальника, ну никак не мог. Иначе он, Свет, ничтошеньки не понимает в людях! Да и Буриной слова против не сказал, а уж он-то сысчник дошлый – с большим стажем и все законы знает будь здоров.

Конечно, гостевой дом Колдовской Дружины для командированного волшебника куда как подходящ. Там и уклад жизни привычный, и все нужные заклятья наложены, и персонал вышколен, и тренировочное поприще оборудовано соответствующим образом. И, кстати, соглядатаев не бывает. Во всяком случае, не должно быть. По замыслу...

Но вот последнее-то обстоятельство Свету и не нравилось. Там, где нет соглядатаев, жизнь, вестимо, течет поспокойнее. Но спокойная жизнь – в сыске преступников помощник аховый. Наоборот, убийц успешно отыскивают именно в те поры, когда жизнь достаточно тревожна, когда приходится бесперечь следить за своим и чужим языками, когда должно всякую секунду наблюдать за своей и чужой аурами. Правда, вполне вероятно, что нынешнее дело не даст покоины и в гостевом доме... И тем не менее жизнь «по грозовому режиму» с оперативной точки зрения более перспективна.

Свет посмотрел на Сувора Нарышку. Тот был погружен в раздумья, и, судя по лицу, раздумья сии оказывались для его души весьма и весьма тяжелыми. Но следов страха в ауре молодого человека заметно не было. Нет, определенно этот парень нравился Свету все больше и больше.

Свет перевел взгляд на Буривого Смирного. Сыскник тут же поднял голову. Свет подмигнул и кивнул в сторону Нарышки. Буривой, в свою очередь, ответил столь же легким кивком. Глубоко задумавшийся ключградец сих тайных переговоров не заметил.

А вот это уже из рук вон, подумал Свет. Сотрудник министерства безопасности не должен так сильно поддаваться личным переживаниям. Даже в случае смерти друга, если он сотрудник был способен считать волшебника своим другом.

Чародей проверил состояние экранирующего заклятья, наложенного на стенки кареты еще возле вокзала, и сказал:

– Полагаю, надо бы осторожно проверить слуг и домашнего колдуна у посадника. Нет ли среди них человека, который появился в доме Вороноя Кудряша совсем недавно?..

Приведенный звуком Светова голоса в чувство, Сувор Нарышка поднял голову, непонимающе глянул на столичного гостя, тряхнул пшеничными волосами. Было ясно видно, что он не расслышал и половины фразы, произнесенной чародеем.

– Простите, сударь! Я задумался...

Свет повторил сказанное.

– Вы думаете, убийца может оказаться среди слуг посадника? – удивленно воскликнул Сувор. – Но ведь перед приемом на такую работу наши щупачи проверяют их самым обстоятельным образом!

– Может оказаться, а может и не оказаться. – Свет вздохнул: все-таки разговаривать о волшебниках с дюжинным человеком крайне затруднительно. Уж лучше сослаться на что-либо банальное. – В любом случае, мы с вами обязаны отработать любые теоретически возможные версии.

Нарышка вновь задумался: похоже, ему реальность проникновения лазутчиков в окружение ключградского посадника теоретически возможной не казалась. Неужели он настолько глуп? Или просто сказывается потрясение?..

– Долг обязывает нас, – заметил Свет.

– Долг обязывает нас, – повторил Нарышка странным тоном. Словно сомневался в справедливости последней Световой фразы. – Хорошо, чародей, я распоряжусь.

– Если среди слуг посадника будет выявлен новичок, – быстро сказал Буривой Смирный, – вы должны тут же поставить нас в известность. Самостоятельно свой интерес к новичку не проявлять! И никаких оперативных действий не применять! Ни в коем случае! Вам ясно?

Кажись, на ключградца и в самом деле снизошло, наконец, понимание, потому что он сокрушенно вздохнул:

– По-моему, судари, от меня в этом деле будет не слишком много проку.

Конечно, он был прав, но согласиться с ним означало испортить настроение своему будущему хозяину еще больше. И потому Свет возразил:

– Вы недооцениваете себя, княже. А между тем от вас зависит очень многое. Ведь вы – житель Ключграда. Так что мы без вас, честно говоря, как без рук.

Комплимент подействовал: Нарышка благодарно глянул на Света, улыбнулся Буривою Смирному. Ответной улыбки он, естественно, не дождался, но она ему и не требовалась.

Между тем карета замедлила бег и остановилась.

– Мое обиталище, судари волшебники, – сказал Сувор Нарышка, открывая дверцу. – Прошу вас! Князь и княгиня Нарышки будут рады столь почетным гостям.

– Благодарим, сударь! – Свет взялся за баул. – Есть лишь одна маленькая просьба. Мы отправили свои вещи с вокзала в гостевой дом Колдовской Дружины. Как бы их доставить сюда?

– Я немедленно распоряжусь, судари. Через полчаса вещи будут у вас.

Обиталище Нарышек оказалось весьма величественным сооружением. Конечно, в столице встречались особняки и более монументальные, но то в столице, а не в провинциальном городе – пусть и является сей провинциальный город морскими воротами Словении в Европу. Три этажа, под черепицей, с парадной лестницей белого мрамора, по углам островерхие башенки с разноцветными петухами-флюгерами.

В одной из башенок и разместились комнаты, предоставленные хозяевами столичным волшебникам. К гостевой на втором этаже, куда поселили Света, вел недлинный коридорчик с зашторенным окном. Сама гостевая была не слишком большой по размерам, однако оказалась достаточно удобной; без излишков мебели, но со всем необходимым (даже письменный стол имелся). Комната Буриной Смирной отличалась от нее лишь цветом обоев да тем, что располагалась выше этажом. Предоставили гостям и ванную – правда, одну на двоих, но в гостевом доме Колдовской Дружины ванная приходилась и вовсе одна на пять номеров.

В расположении комнат имелся лишь один недостаток – они находились слишком близко друг от друга, а блокирующего заклятья, как в гостевом доме Колдовской дружины, между ними не было. Но, во-первых, волшебники бесконтрольно мешают друг другу лишь во сне. А во-вторых, и чародей Сморода, и сыскник-волшебник Буриной Смирной обладали достаточной квалификацией, чтобы самостоятельно наложить блокирующее заклятье. В конце концов, можно иногда поработать и за красные глазки! Не пообедаем!..

Ждать вещей пришлось недолго. Вскоре раздался звон колокольчика, и светловолосый кучер Сувор Нарышки внес в комнату чемодан и чехол со шпагами.

– Ваши вещи, сударь чародей.

Взгляд любителя «Мамочкиного платочка» показался Свету странноватым, и он тут же проверил ауру кучера. Но обнаружил, что на этот раз ошибся – ауру переполняло дружелюбие вперемешку с голубыми красками Перуна.

Ну и пусть ошибка, подумал разочарованный Свет, в сыске подозрительность излишней не бывает.

– Благодарю вас! Поставьте на пол возле стола. Я сам разберусь с ними.

«Мамочкин платочек» удалился.

Едва Свет привел себя в порядок, гостей позвали к обеду.

Вся семья Нарышек уже находилась в трапезной.

Семья оказалась под стать своему особняку. Отец Сувор, князь Белояр Нарышка, грузный бородатый мужчина лет пятидесяти пяти, уже изрядно поседевший, молча, но с чувством пожал гостям руку. Жене его Цветане, голубоглазой блондинке, сохранившей, несмотря на выношенных и выкормленных ею детей, достаточно тонкую талию и изящной формы перси, можно было с успехом дать и тридцать. Княгиня, в отличие от супруга, оказалась женщиной весьма словоохотливой и приветствовала гостей целым потоком изысканных выражений. Пришлось и Свету поупражняться в велеречивости. Затем столичным волшебникам были представлены молоденькая жена Сувор Купава и его еще более юные сестры.

– Вот и вся наша семья, – сказала Цветана. – Нет токмо старшенького, Найдена. Он служит в министерстве ратных дел, у вас в столице.

– Я встречался с ним по службе, – соврал Свет. – Очень толковый молодой человек. Думаю, любезная княгиня, вашего сына ждет весьма завидная карьера.

Княгиня, оправдывая свое имя, расцвела, а старшая из трех сестер, уже оформившаяся телом девица, тут же выстрелила в Света откровенным вопросом:

– Вы нашли убийцу Ключа Колотки?

– Пока еще нет, сударыня, – ответил ошарашенный такой прямотой Свет.
– Сне-жа-на! – проговорила предостерегающим тоном хозяйка дома.
– Да, мама?! – сказала княжна. – Разве нельзя, садясь за стол с человеком, поинтересоваться, справно ли он выполнил свои обязанности?

Мать и дочь некоторое время поедали друг друга глазами. По-видимому, для них это занятие было привычным.

А Свет, включив Зрение, столь же привычно изучал ауры новых знакомых. Ауры были нейтральные – без опаски, ненависти или страха, но с некоторой долей дружелюбия. Словом, нормальные были ауры. У хозяев, невестки и троих хозяйских детей.

А вот в ауре княжны Снежаны явно наличествовали цвета неприязни. Словно девица заранее подозревала столичных гостей в каком-либо непотребстве. К примеру, ждала от них жестоких посягательств на свои дух и тело. Хотя, если бы ее знакомили сейчас не с волшебниками, то основания для подобных подозрений у Нарышкиной дочки определенно имелись. По крайней мере, в отношении тела. Княжна уродилась весьма красной девицей – уложенные пышной башней пшеничные материны волосы, большие отцовские карие глаза и длинные ресницы; с трудом запрятанные под платье высокие перси, в сочетании с тонкой талией должны производить на мужчин самое неотразимое впечатление. Рядом со Снежаной младшие сестры-подростки Светлана и Любомила выглядели почти дурнушками. Впрочем, судя по всему, через пару лет они обещали превратиться в не менее яркие, чем старшая сестрица, бутоны. А вот молодой княгине Купаве бутоном уже не стать – не та порода. Видно, князя Сувора, как часто водится у великородных, оженили по договоренности между главами семейств. Пусть серая мышка – до своего поля ягода...

За столом княжна Снежана уселась напротив Света. И тут же с прежней прямотой спросила:

– Стало быть, вы, судари волшебники, приехали в наш город зря?

Свету жутко захотелось улыбнуться – столь мила была ее полудетская непосредственность. Но терять над собой контроль члену Колдовской Дружины не пристало даже в компании подобной девицы. Поэтому он лишь заметил:

– С момента нашего приезда, сударыня, прошло столь мало времени, что определить, зря или не зря мы сюда приехали, попросту невозможно.

В отличие от волшебника княжна улыбнулась, и улыбка ее оказалась откровенно ехидной.

– Вообще-то я считала, что братовы коллеги в первую очередь занимаются делом, а уж опосля ходят по гостям.

– Вообще-то, – сказал Свет, – мы пришли к вам не в гости. Мы будем здесь жить.

Она распахнула очи:

– Вы будете жить у нас? О боги!.. Надо будет попенять брату за то, что он не спросил моего согласия... И сколь долго мне предстоит терпеть ваше присутствие?

– Как распорядится Мокошь! – Свет поджал губы, дабы не рассмеяться. – В следующий раз, приехав сюда, я самым обязательным образом настою на том, чтобы князь Сувор испросил вашего согласия на подобное приглашение. Впрочем, надеюсь, сударыня, к тому времени вы уже успешно выскочите замуж, и вас будут волновать совсем другие печали.

Княжна вспыхнула и открыла было рот. Но промолчала. Мать ее негромко разговаривала с сидящим рядом сыном, не забывая поглядывать в сторону старшей дочери.

Свет подумал о том, что в любой другой семье такого гостя, как чародей Сморода, непременно посадили бы одесную от хозяйки. Правда, та, «любая другая» семья не принадлежала бы к изначально великородным. А посему в неумном желании Снежаны Нарышкиной уколоть столичного волшебника не было ничего сногшибательного: для изначально великородных колдуны – всего-навсего люди второго сорта, которые лишь по странному волеизъявлению

Великих князей допущены к кормилу государственной власти. Впрочем, сам Белояр Нарышка, по слухам, дядька весьма умный и, вестимо, так не думает. А что мыслит о положении колдунов в словенском обществе его старшая дочь, для чародея Смороды не имеет ни малейшего значения.

Слуги принялись разливать первое. Судя по аромату, это была грибянка по-вятски – то есть суп, сваренный исключительно из шляпок молодых боровичков.

– А вот интересно, – Снежана вновь обратила свое внимание на гостя, – почему волшебники трапезничают, как дюжинные люди? Это, должно быть, весьма унижительно – ждать, пока вам наполнят тарелку, не так ли, чародей?

Княжна явно напрашивалась на ответную грубость, но волшебник, грубящий обычной (пусть и великородной) девице... Вот это была бы поистине унижительная картина. Нет, подобного поведения от Смороды ни один простой смертный век не дожидается!.. Поэтому Свет соорудил самую высокомерную гримасу, на какую был способен, и принялся откровенно рассматривать сидящую напротив девушку.

Княжна встретила сей наглый взгляд смело и открыто, но потом все-таки не выдержала, опустила глаза. Ланиты ее слегка порозовели.

А Свет неожиданно для себя обнаружил, что она чем-то похожа на летошнюю лже-Додолу. Нет-нет, черты Снежаны были более тонкими и изящными, против Веры-Кристы она была как блистающий диамант рядом с неограниченным камнем. Но что-то общее в их лицах имелось. Правда, Вера-Криста век бы не стала разыгрывать из себя этакую глупышку-скромницу!..

Скромница вновь подняла на Света очи. Скромности там не было и в помине. Зато присутствовали откровенный вызов и явная неприязнь.

– Вы меня так рассматриваете, чародей, словно способны понимать разницу между женщиной и мужчиной! Словно для вас мои перси не просто два бугра из плоти!.. – По губам Снежаны зазмеилась ехидная усмешка. – Чем на меня тарашиться, сударь, лучше бы своим прямым делом занялись!

Похоже, последние ее слова услышали все сидящие за столом, ибо в трапезной повисла напряженная тишина. Потом Цветана Нарышкина сказала:

– Краса моя, перестаньте докучать чародею своими глупостями! – И обратилась к Свету: – Кушайте, сударь волшебник, кушайте... Справное ли здоровье у Великого князя?

Это было завуалированное приглашение поведать хозяевам свежие столичные сплетни.

И если бы Светозар Сморода являлся обычным великородным, опосля такого вопроса он бы занялся столичными сплетнями немедленно. Брат Великого князя, сударыня, намерен такое отчебучил. Вы не поверите! Еле-еле скандал замяли... Однако член Палаты чародеев позволить себе подобного легкого поведения не мог, он мог позволить себе лишь фразу: «Исполать Сварогу, справное!» – и взялся за ложку.

Хозяева встретили чародеevo немногословие без удивления, и вскоре над столом вновь повис присущий званым обедам разноголосый гомон.

Молчал лишь Свет. Он подозревал, что Нарышкина дочка сопровождает колкими замечаниями любую его реплику, и потому надеялся своим молчанием добиться, чтобы его оставили в покое.

Однако княгиня-мать оставить в покое гостя не пожелала и нашла новую тему для разговора.

– Вы где проводили этим меженом отпуск, судари волшебники? – спросила она, мило улыбаясь чародею. – Мы всей семьей отдыхали на Русском море. У нас есть немного земли в Болгарии, в районе Солнечного Берега.

Буривой Смирный тоже глянул на Света и подхватил тему:

– А я ездил на родину, в Нижний. Не люблю я эти морские ванны. То ли дело – лес и речка! Взять корзину и за грибами. Или с удой на Волгу...

Цветана тут же возразила:

– Не скажите, сударь, не скажите... Море – очень чудесная штука! Тем паче Русское. Это вам не наш Чухонский залив с его холодами и штормами... Нет, море морю рознь! Варяжское создано богами для того, чтобы по нему перевозили грузы, а Русское для отдыха. – Она улыбнулась своей нехитрой шутке и повернулась к Свету: – А вы, чародей, где нынче отдыхали?

Далее молчать было бы просто невежливо.

– Я провожу отпуск в Таврии, – сказал Свет. – У Колдовской Дружины там справный дом отдыха, в Ливадии. Правда, последний раз я был там ровно два лета назад.

– А почему?

– Не знаю... – Свет пожал раменами. – С возрастом отдыхать стало скучно. Работать интереснее!

– Кто как работает, тот так и отдыхает, – пробурчала чуть слышно – чтобы не услышали родители – Снежана.

– Кхм, отдыхать тоже надо, – не согласился с гостем Белояр Нарышка. – Кстати... – Он встал и официальным тоном объявил: – Завтра мои младшие дочери Светлана и Любомила покидают родной очаг, дабы продолжить обучение в Институте великородных девиц. В честь одного события мы даем ныне вечером бал. И мне бы очень хотелось, чтобы судари волшебники почтили оный бал своим непосредственным участием.

Пришлось Свету отложить ложку, подняться и поблагодарить хозяина за приглашение. И определенно пообещать, что судари волшебники оный бал своим непосредственным участием всенепременно почтят. В обязательном порядке, княже, это большая честь для нас и огромное удовольствие, весьма и весьма благодарны...

– Знамо дело, они благодарны, – вновь негромко пробурчала Снежана. – Как бы не работать, абы не работать. Потому-то у нас людей на улицах и убивают! Ох уж эти мне хваленые столичные чародеи...

Краски неприязни в ее ауре усилились.

Свет не мог взять в голову, чем он насолил Белояровой дочке. В общем-то с ним в подобном тоне разговаривали крайне редко, и он срезал бы всякого (опричь, конечно, Великого князя да Кудесника), кто позволил бы себе в беседе подобный тон. Следовало бы срезать и эту белокурую кикимору. Но почему – то не хотелось. Или, скорее, не могло...

А вот что очень даже могло – так это бросать стремительные взгляды на выглядывающие из платья перси. А что очень хотелось – так это дабы обладательница оных персей не в коем случае оных взглядов не заметила.

Однако обладательница взгляды, знамо дело, прекрасно замечала. И, заметив, всякий раз вперивала в сидящего напротив татя взгляд свой – обвиняющий и возмущенный. Правда, от ехидных реплик теперь почему-то воздерживалась. То ли, несмотря на все свое возмущение, смиростивилась-таки над гордостью лиходея, то ли напрочь потеряла к нему всякий интерес, лишь ради этикета притворяясь возмущенной...

И неожиданно для себя лиходей проникся к кикиморе чувством благодарности.

Это было уже слишком!

Свет встал из-за стола, пробормотал что-то насчет ахового самочувствия и, произнеся соответствующие извинения, поспешно удалился в отведенную гостью комнату.

И наплевать, что они обо мне подумают, сказал себе он. Снежана-то наверняка ничего хорошего не подумает. Дяденька волшебник по странной прихоти играет с нею в странные игры... А и вправду, что это за прихоть на меня нашла? Знамо дело, знания, полученные из художественной литературы, нужно проверять, но не на великородной же девице!.. Ладушки-оладушки, пусть они обедают. А мы пока блокирующим заклятьем займемся!..

Судя по всему, его уход званого обеда не испортил. Во всяком случае, шумно отдувающийся Буриной Смирный появился в комнате Света лишь через полчаса.

– Уф! – произнес он с удовольствием. – Хлебосольные нам достались хозяева, брате чародей... Ого, вы уже и блокировку сотворили!..

– Не замечал я раньше, – ядовито сказал Свет, – чтобы вы, брате сыскник, так радовались чревоугодию. Тем паче когда в сыске у нас сплошные проблемы.

Буриной помрачнел.

– Вы правы. – Он не удержался, сыто рыгнул. – Именно оные проблемы и привели меня к вам.

В его голосе прозвучала настолько нескрываемая обида, что Свет смутился.

С какой стати я на него набрасываюсь? – подумал он. Разве это брат Буриной, забыв об убийстве собрата, заглядывал хозяйской дочке в вырез платья?

– Извините меня, брате...

Смирный кивнул и продолжал уже без обиды:

– Официально мы к сыску еще не приступили. Надо полагать, курьер с подтверждением полномочий прибудет из столицы токмо ночью. – Сыскник сел на стул. – Но вот что мне пришло в голову, брате чародей... Если ваша версия справедлива, нам будет противостоять Талант изрядной мощи. И сдается мне, что против подобного Таланта я окажусь бессилен. К слову, нет никаких гарантий, что убийца уже сейчас не положил на нас свое око – ведь двух столичных волшебников на месте преступления не заметил бы токмо ленивый. А посему, полагаю, вам придется поставить мне сейчас магический защитный барьер. Как в прошлое лето...

Свет тут же напрочь забыл о хозяйской дочке.

Наконец-то и до Буриной по-настоящему дошло, с кем они могут столкнуться! Безответные розовые кусты за оградой... Собака, впервые в истории Колдовской Дружины загрызшая квалифицированного волшебника... Если во всем этом действительно участвовал Талант, то это был Талант не просто «изрядной», а такой мощи, что индо оторопь берет. Это вам не Буня Лапоть с его ножом...

Но показывать свой страх коллеге стало бы распоследним делом – сродни загляду в вырез девичьего платья, – поэтому Свет лишь пожал плечами и сказал спокойно:

– Возможно, собака, напавшая на Ключ Колотку, была больна какой-либо неведомой формой бешенства... Впрочем, возможно, вы и правы, брате. А посему на этот раз я не стану напоминать вам о требованиях закона.

Буриной запер дверь на задвижку – накладывать отвращающее заклятье в чужом доме было неприлично. А Свет проверил целостность магической печати на своем бауле, снял с него охранное заклятье, достал Серебряный Кокошник, баклагу с Колдовской Водицей и коротко бросил:

– Надевайте!

* * *

Когда они спустились вниз, празднество пребывало в полном разгаре. С хоров звучал быстрый германский вальс (Свет, к своему удивлению, понятия не имел, как называется этот очередной музыкальный подарок Вены остальной Европе), и по облитой сиянием газовых фонарей гриднице вовсю кружились пары.

Похоже, в особняк Белояра Нарышки явился весь цвет ключградского высшего общества. Тут и там среди партикулярных разноцветных камзолов и пышных дамских кринолинов мелькали зеленые мундиры воевод и синие с белыми кружевами одеяния мужей-волшебников. Встречались в толпе и алые балахоны представителей Сварожьего волхвовата. Партикулярные и ратники танцевали с дамами, волшебники же и волхвы, коим этикет не позволял тешить

себя дрыгоножеством и рукомашеством, беседовали – с теми же партикулярными, ратниками и дамами либо друг с другом.

Столичные волшебники, также одетые согласно этикету (Свет – в голубое, а Буриной Смирный – в синее с кружевами), легко растворились в этой пестрой толпе, но были мгновенно изловлены хозяйкой дома. И начался обряд обоюдных представлений. Родовые имена и названия занимаемых должностей сыпались градом, так что вскоре Свет уже устал кланяться и пожимать крепкие да целовать изящные десницы.

Приметливая княгиня Нарышкина заметила изменение в настроении гостя и, воспользовавшись тем, что очередной представленный оказался давним знакомым Буриной Смирного (а давним знакомым всегда найдется, чем занять друг друга), тут же увлекла чародея Смороду под хоры с наяривающими изо всех сил играющими, к задней стене гридницы, где, аки редуты на поле боя, расположились столы с закусками и напитками. Устроены редуты были на варяжский манер – подходите, наливайте, пейте и закусывайте чем душе угодно. Впрочем, словенский манер гостеприимными хозяевами тоже не был забыт – по гриднице, среди танцующих и беседующих, сносили с подносами многочисленные одетые в коричневую униформу слуги.

– Что вы предпочитаете из напитков, чародей? – спросила Цветана, мило улыбнувшись. – Сливянка? Клюквенная? Армянский коньяк?

– Честно говоря, я бы предпочел самую обычную словенскую медовуху, любезная княгиня.

Медовухи на столе не наблюдалось, но, повинувшись хозяйкиному жесту, к Свету тут же подлетел слуга, наполнил разлатую серебряную чарку. Цветана остановилась на франкском шампанском в кубке уральского хрусталя.

– За вас, любезная княгиня! За ваше гостеприимство! Счастья и богатства вам и вашим детям, и всему вашему роду!

– За вас, чародей!

Чокнулись, выпили. Медовуха оказалась разымчивой и превосходной, шампанское, надо полагать, тоже не подвело – в таком доме дешевых напитков наверняка не держали.

Потом княгиня сказала:

– Чародей, я бы хотела извиниться перед вами. Я имею в виду поведение моей дочери за трапезой. Надеюсь, обида, которую княжна вам нанесла, будет жить в вашей душе не слишком долго.

– Оная обида, сударыня, даже и не родилась. – Свет церемонно поклонился хозяйке. – Не в моих привычках обижаться на молоденьких взбалмошных девиц!..

– Да! – Княгиня покивала. – В последнее лето она стала порой просто невыносима. Думается, замуж пора. Сразу голубушка станет как шелковая!

– А который ей?

– Деятнадцатый идет.

– Тогда конечно. Самая пора к венцу.

Настроение столичного гостюшки, судя по всему, улучшилось, и хозяйка, помня, что с волшебниками не сплетничают, а о работе сотрудника министерства безопасности расспрашивать и вовсе бессмысленно, препоручила чародея заботе подошедшего кстати супруга, а сама умчалась по главным хозяйским делам – приветствовать и представлять друг другу прочих гостей.

– К-хм, – сказал князь Белояр, разглядывая пеструю толпу. – Почти все на приглашение отозвались.

Аура его была прежней – приветливо-доброжелательной.

– Превосходный праздник, княже, – отозвался Свет. – Давно я не видел более славного общества...

– К-хм, – продолжал князь. – Я работаю в местном принципате мореходного министерства. Мы тут, в Ключграде, весьма и весьма обеспокоены международной обстановкой. Не ждать ли нам новой войны со Скандинавией? Что думают в столице?

Свет ухмыльнулся про себя. Конечно, князь Нарышка и без столичного чародея прекрасно знал, какова международная обстановка. Но, видно, представления не имел, о чем еще можно поговорить со своим гостем. Отношения с варягами – дежурная тема в любой беседе. Как погода...

– Полагаю, нет, – сказал он. – Сорок лет назад мы крепко щелкнули скандинавов по носу. Но ухо, вестимо, след держать остро. Тайная-то война не прекращалась. Лазутчики присно были, есть и будут.

– Совершенно справедливо, сударь! – Князь покивал чародеевой банальности. – Кстати, ходят упорные слухи, будто к нам заслали банду террористов, которые с помощью убийств намерены посеять в Ключграде панику. Говорят, мужа-волшебника Колотку зарезали именно варяжские лазутчики...

Свет поморщился. От проклятой работы нигде не спрятаться!.. Впрочем, обеспокоенность князя вполне понятна: раз уж убили волшебника, дюжинный человек – индо великородный! – и вовсе должен чувствовать себя беззащитным. Но слухи никогда и никому не приносили добра...

– Я даже хотел было отменить нынешний бал, – продолжал Белояр, – но княгиня настояла. Говорит, лишать детей праздников – последнее дело...

– Княгиня абсолютно права, – сказал Свет. – Слухи же всегда носят преувеличенный характер, и если на них обращать внимание, жить станет невозможно. Кто бы ни покусился на жизнь Ключа Колотки, мы безусловно отыщем убийцу.

– Однако я все же попросил своего домашнего колдуна, начиная с сегодняшнего вечера, обновлять охранные заклęcia на дверях и окнах ежедневно.

– Вы совершенно правы, князь, – сказал Свет, мысленно содрогаясь от глупости собственных реплик. – Осторожность еще никогда никому не мешала.

– К слову, чародей, не хотите ли с ним познакомиться? Сейчас я его приведу.

И не успел Свет индо глазом моргнуть, как Белояр Нарышка исчез в веселящейся толпе. Впрочем, он почти тут же вновь оказался рядом. Его сопровождал абсолютно лысый сухоощавый мужчина лет пятидесяти в синем с кружевами одеянии мужа-волшебника.

– Лутовин Кузнец, – сказал Нарышка. – Мой домашний колдун. Прошу любить и жаловать!

– Здравы будьте, брате чародей!

– Будьте и вы здравы, брате!

– Я оставлю вас с глазу на глаз, – сказал Нарышка и вновь растворился среди танцующих пар.

А Свет вновь поморщился. Все-таки от проклятой работы действительно не спрятаться!.. Значит, прятаться и не стоит. Тем паче если излишняя обеспокоенность хозяина вам, чародей, кажется вполне понятной...

– Поведайте-ка мне, брате Лутовин, не заметили ли вы в последнее время каких-либо странностей в доме? Необычных посетителей, к примеру... Присутствия не вами наложенных заклятий... Потревоженных магических печатей на приходящей к хозяину корреспонденции... Сами знаете, как это бывает!

Брат Лутовин пожал сухими плечами:

– Нет, брате чародей. Ничего странного не наблюдалось. Чужих заклятий я не обнаруживал, а свои, как и положено, проверяю каждое утро. Они присно оказывались такими, какими я их накладывал вечером, с обычной поправкой на разряжение. Все было в полном порядке...

Однако голос Лутовина показался Свету подозрительно дрогнувшим, и он тут же включил Зрение: не скрывает ли чего от столичного чародея провинциальный волшебник? Ненависти, к примеру. Или любви...

Как выяснилось, провинциальный волшебник, действительно, кое-что скрывал. Однако от ненависти в его сокрытии и следа не было. От любви, знамо дело, тоже. А вот что присутствовало в ауре Лутовина Кузнеца – так это страх. И не легкие оттенки, сопровождающие, скажем, боязнь ответственности за совершенную в работе ошибку или опасение потерять оную работу, а густые тона страха, присущего всему живому, – полновесного ужаса перед Велесом и Мареной.

Открытие оказалось для Света совершенно неожиданным – не привык он встречаться с перепуганными намару волшебниками.

– Что ж, брате Лутовин, – поспешно сказал он. – Продолжайте аккуратно выполнять свои обязанности, и все будет справно.

Лутовин Кузнец удалился, а Свет вновь включил Зрение и обвел Взглядом присутствующих в гриднице гостей.

Увиденное потрясло его – у многих гостей в аурах имелись различные тона опасений, но самый настоящий, пронизывающий душу страх присутствовал лишь у обладателей синих с белыми кружевами одеяний.

Волшебники боялись.

Это было ужасно. И сразу становился ясным смысл вчерашнего преступления. Убийство Колотки – удар, направленный в самое сердце словенского общества. Социальная структура, один из столпов которой парализован смертным ужасом, разумеется, очень быстро потеряет свою устойчивость.

Вот она, еще одна оборотная сторона Семаргловой Силы, подумал Свет. Мы оказались слишком избалованными осознанием мощи собственного Таланта. И едва стоит возникнуть хоть малому сомнению в этой мощи, мы тут же превращаемся в трусливых зайцев... Впрочем, здесь он не совсем прав – трусливым зайцем никто из присутствующих на балу волшебников пока еще не стал (а у Буриной Смирной в ауре и вовсе нет страха, но Буриной – сотрудник министерства безопасности, он-то как раз к некоторому риску привычен), но буде завтра где-нибудь убьют еще одного клюя колотку, то в зайцев превратятся уже многие. А после третьего убийства – все. Такие вот складываются дела!..

Перед Светом вновь появился Белояр Нарышка:

– К-хм... Как вам показался мой домашний колдун, чародей?

Скрытый смысл этого вопроса был вполне понятен, и потому Свет заверил:

– Прекрасный волшебник, княже, вполне квалифицированный. Полагаю, при нем у вас не было ни краж, ни других подобных происшествий.

– Да, не было. – Успокоенный Нарышка воссиял. – Благодарю вас, чародей. Вам не скучно?

– Нет, не скучно. Я привык.

Белояр Нарышка кивнул и, рассыпавшись в извинениях, вновь куда-то умчался. Наверное, к более интересным гостям.

А перед неинтересным Светозаром Смородой возникла Снежана Нарышкина.

По меркам дюжинных людей она была великолепна. Одета в сильно открытое сверху, с длинным – чуть ли не до полу – кринолином лазоревое платье и изящной формы, на высоких каблуках, синие туфельки, она передернула оголенными раменами, тряхнула пышной прической и, смиренно-смущенно глянув на чародея, произнесла:

– Боги велят нам уважать желания родителей... Я прошу вас, сударь, извинить меня...

Сказано сие было таким тоном, что сразу становилось ясно – слова девицы соответствуют ее мыслям не больше, чем уверенному в себе колдуну – чувство страха. В мыслях у княжны

Нарышкиной обреталось вовсе не смирение или смущение. Не воображайте себе, сударь чародей... Если бы не въедливость маменьки, я бы пред вами ввек не извинилась. Будь вы хоть сам Кудесник Остромир!.. Рылом вы, голубчик, еще не вышли, извинения великородной девицы выслушивать! И вообще...

Что – вообще, Свет придумать не успел, потому что Снежана, расценив молчание столичного гостя как стремление унизить оную великородную девицу, вновь – и на этот раз уже гневно – передернула раменами:

– Почему вы молчите, сударь? Нешто перед вами никогда не извинялись?

Серебряная с диамантами гривна, украшавшая шею княжны, засверкала в сиянии светил, а полуобнаженные перси слегка колыхнулись из стороны в сторону.

Как ни странно, колыхание это вызвало в душе Смороды какое-то смутное ощущение, незнакомое и диковинное. Сердце его обмерло, а по телу внезапно разлилось слабое томление. Словно хворь пришла. Или некий могущественный волшебник наложил на чародея неведомое заклятье...

Все присутствующие в гриднице унеслись за тридевять земель. Дамы, с их глупой потребностью обязательно понравиться кавалерам; ратники, с их идиотским желанием непременно блеснуть перед дамами статью, удалью и остроумием; колдуны, с их проклятым противоестественным страхом...

А вот это уже никуда не годилось! Это ясно давало понять, что полуобнаженные перси взбалмошной девчонки стали вдруг для чародея Смороды важнее государственных забот. Такого ввек не было и быть не могло. Во всяком случае, перси Забавы – что бы там ни воображала себе сама Забава! – у него никакого томления не вызывали. Почему бы тогда не начать томиться, глядя на красиво изогнутую гарду доброго клинка?.. О тех же чувствах, что родила прошлым летом в его душе Вера-Криста, он давным-давно постарался забыть. Не следовало вспоминать о них и сейчас – чародея ждут государственные заботы. Серьезные и неотложные... Поэтому он тоже передернул раменами и сказал:

– Не волнуйтесь так, княжна. Я с удовольствием принимаю ваши извинения. В свою очередь, извините и вы, ибо у меня есть к вам один маленький вопросик... Откуда вам ведомо, что я должен искать убийцу Ключа Колотки? Я, по крайней мере, в вашем присутствии об этом не говорил...

Она вдруг зарделась, прикусила нижнюю губку:

– Брат тоже не говорил, не думайте! Однако любому мало-мальски соображающему человеку не сложно догадаться, зачем вы приехали в наш город. Ночью убили Ключа, а уже через несколько часов здесь появились вы...

Логика в ее словах имелаась, тем паче что столичные гости были представлены Нарышкам в качестве «работников министерства безопасности». Во всяком случае ясно одно: княжна – далеко не дура. Ладушки-оладушки, учтем на будущее, но не дадим ей в этой схватке одержать победу над чародеем. Кстати, а с чего это она вдруг назвала убитого по имени?.. Впрочем, мне-то какая разница?!

– Я принимаю ваши объяснения. – Свет смиренно поклонился. – Надеюсь, впредь интерес к моему делу больше не будет заставлять вас соваться не в свое.

Снежанины ланиты просто взорвались алым. И даже шея пятнами пошла.

Свет включил Зрение – в ауре девицы полыхала теперь одна только ненависть.

– Старый самодовольный козел! – пробормотала княжна вполголоса, показала чародею язычок и тут же исчезла среди танцующих.

А Свет почувствовал несказанное удовлетворение.

Здорово он отбрлил эту наглую девчонку! Будет знать, голубушка, как связываться с чародеем!.. Странные они все-таки существа, эти молодые девицы, считают, раз Додола наградила их привлекательной мордашкой да точеной фигуркой, значит им все дозволено. Вот и

Забава, отдавшись ему, вдруг возомнила, что может командовать чародеем. Где вы были, Светушко-медведушко? Почему вечер так поздно вернулись? А я вас ждала!.. Ну, с Забавой-то «медведушка» разобрался быстро. Вылетела из кабинета, будто пробка из бутылки с шампанским!.. А с этой кикиморой и разбираться нечего, встретились, сказали друг другу пару ласковых и разбежались. Никакого следа в его жизни она не оставит... Однако, откуда же у кикиморы такая ненависть?

Он огляделся.

Бал шел своим чередом. Дамы, сияя разноцветными глазами, по-прежнему изо всех сил стремились понравиться кавалерам; ратники, выпячивая богатырские груди, все так же красовались перед дамами; братья-волшебники продолжали бояться неведомого... Тоска смертная! В Забавиных книгах бал – праздник души, а тут...

Нет, надо бы все-таки понять, что порождает в княжне Снежане столь сумасшедшую ненависть. Ведь он ничего плохого ей не сделал. Может быть, ненависть порождена страхом? Но с чего бы ей, этой девице, бояться чародея Смороду? А может, страх порожден нечистой совестью?.. Да, надо бы к ней, пигалице ядовитой, приглядеться получше, ох надо!.. Чем лесий в лесу не играет, зазывая на ложе кикимору!

– Ну, как вы тут, чародей? Не утомило вас наше бурное празднество?

Свет очнулся от размышлений.

Рядом, дружелюбно улыбаясь, стояла раскрасневшаяся хозяйка дома. По-видимому, только что откружила вальс с очередным кавалером, изо всех сил стремясь понравиться. Да и ему, Свету, она сейчас понравиться не прочь, пусть он и стоит перед ней истукан истуканом. Ох уж эти мне женские штучки!..

– Все справно, сударыня. Праздник просто великолепен. Такие милые люди!..

– Я видела, к вам подходила Снежана... Надеюсь, она не докучала сударю чародею своими глупостями?

– Что вы, сударыня, у вас прекрасная дочь.

Нет ничего приятнее для любящей матери, чем услышать добрые слова о своем ребенке. Румяное лицо княгини просто расплылось в счастливой улыбке.

– Благодарю вас, сударь! Вы очень любезны! Не обращайтесь на выходки Снежаны внимания. Мне кажется, она была равнодушна к Ключу Колотке и очень переживает его смерть. Вы же ведаете, как молоденьких романтических девиц иногда тянет к волшебникам. Она мне, правда, ничего о том не говорила, но ведь материнское сердце не обманешь...

Ага, обрадовался Свет. Вон тут в чем дело! Убили любушку, а преступника не ищут... Здесь не только столичных волшебников – богов возненавидишь!

– Простите, сударыня!

Свет обернулся.

Сзади стоял Буриной Смирный.

На взгляд обычного человека, он казался абсолютно спокойным, но Свет сразу понял, что соратник весьма и весьма напуган. Включил Зрение и убедился: аура Буриной теперь мало чем отличалась от аур перетрухнувших ключградских колдунов.

– Простите, сударыня! – повторил Смирный. – Мне след поговорить с вами, чародей!

Над верхней губой Смирного блестели капельки пота – будто он секунду назад оторвался от дрыгоножества и рукомашества с какой-нибудь неутомимой плясуньей.

Хозяйка удивленно посмотрела на столичного мужа-волшебника, с трудом погасила счастливую улыбку:

– Что-нибудь случилось, сударь?

Тот пребывал в явном затруднении, и Свету пришлось прийти к собрату на помощь.

– Извините нас, сударыня! Мы должны немедленно поговорить с мужем-волшебником.

Княгиня Цветана, по-видимому, сообразила, что муж-волшебник нарушил правила этикета вовсе не потому, что у него были в детстве дурные воспитатели.

– Я понимаю, судари колдуны. Вы ведь и во время праздников на работе. – Она отступила на шаг, поймала за руку пробегающую мимо младшую княгиню Нарышкину: – Купава, подождите, пожалуйста! Извините, судари колдуны. Я вас на минуточку покину. Мне нужно побеседовать с невесткой...

Свет благодарно кивнул ей и, едва свекровь и невестка отделились, спросил, понизив голос:

– Что вас так беспокоило, брате?

Буриной облизнул губы:

– Айда в вашу комнату, чародей.

Выходя из гридницы, Свет машинально обернулся и быстро оглядел присутствующих. Судя по всему, неожиданным бегством волшебников никто особенно не заинтересовался. Лишь княжна Снежана, делая вид, будто слушает словоизлияния какого-то ратника, посматривала в сторону столичных гостей. Впрочем, нет, показалось – девица очей не отводит от своего собеседника. Что-то вы, чародей, ныне слишком мнительны стали...

Смирный уже исчез за дверью, и Свет поспешил следом. В коридорах и на лестнице сударям волшебникам никто знакомый не встретился, а потому они без помех добрались до покоев, предоставленных Нарышками чародею Смороде.

– Давайте наложим совместное экранирующее заклятье, – сказал Смирный, едва затворившаяся дверь отрезала их от коридора.

Свет удивился, но подчинился. А потом, когда парное заклинание было сотворено, спросил:

– Что же все-таки случилось, брате? Чем вы столь беспокоены?

– Случилось, брате чародей. Еще как случилось! – Теперь и невооруженным глазом было видно, как перепуган Смирный. – Несколько минут назад меня пытались прощупать!

Свет подобрался:

– Кто? Где?

– Кто – не ведаю. На балконе... Я вышел подышать свежим воздухом.

Началось, подумал Свет.

– Рядом с вами кто-нибудь находился?

– Ни единой души. Лишь в гриднице, около открытого окна, щебетали две хозяйские дочки. Как же их величают?.. Ах да! Снежана и Светлана... Внизу, под балконом, я тоже никого не заметил. – Буриной содрогнулся. – Думаю, вам следует немедленно проверить сохранность магического защитного барьера. Не нравится мне все это!..

Мне «все это» тоже не нравится, подумал Свет. Да и вряд ли найдется в Словении хоть один колдун, которому бы «все это» могло понравиться.

Он достал из баула Серебряный Кокошник:

– Надевайте, ложитесь на кровать.

Смирный, громко вздыхая, снял ногавицы, напялил Кокошник и улегся на Светово ложе.

– Все было, как в прошлое лето, когда меня прощупывал опекун Лапоть. Помните?..

– Никто вас тогда не прощупывал, – устало сказал Свет. – Вам показалось.

– Нет, не показалось. Вы так говорили лишь для того, чтобы меня успокоить. Я прав?

– Чушь! На чуши сидит! И чушью погоняет!

– Нет, не чушь!..

Спорить было бесполезно. Свет сотворил заклинание, и Смирный засопел.

Следы вторжения в его ментальную оболочку обнаружились сразу. Впрочем, обнаруженное Светом можно было бы назвать «следами» только для успокоения перепуганного соратника. В ментальности Буриной присутствовали не какие-то там «следы вторжения», а самый

настоящий защитный барьер. Но это оказался вовсе не тот барьер, который несколькими часами ранее возвел Свет. Да, он выглядел очень похожим, но плохим бы чародеем был Светозар Сморода, не сумеи он обнаружить отличий. А отличия имелись немалые – в структуре барьера ощущались многочисленные рыхлости и несплошности. Сквозь подобный, с позволения сказать, «барьер» проникнуть в мозг Смирного не представляло никакого труда даже волшебнику менее квалифицированному, чем тот же Буня Лапоть.

И тут Свет попросту обрадовался. Нет худа без добра!.. Сколь удачно получилось, что за нынешний день они так ничего и не узнали о предполагаемом убийце Ключа Колотки! Ну, а как сложись все иначе... Хороши бы оказались чародей Светозар Сморода и муж-волшебник Буриной Смирный, хваленые сыскники министерства безопасности, в мгновение ока и без собственного ведома выложившие убийце всю информацию, которую сумели о нем раздобыть!.. Нет, воистину правы говорящие: «Что ни делается – все к лучшему»! Поневоле возьмете да и поверите, что боги присно на вашей стороне... Но и боги в этом деле без посторонней помощи не обойдутся. А значит, им надо подсобить!

Свет разбудил Буриной.

– Ну и что вы обнаружили? – вскинулся тот.

Врать на этот раз не было смысла. Наоборот, Смирный должен всецело осознать серьезность произошедшего. Конечно, он еще больше испугается, но зато будет вынужден согласиться с новым предложением Света.

– Ничего хорошего, брате, я не обнаружил. – Свет развел руками. – Вас и в самом деле прощупали. Магический защитный барьер взломан, причем взломан очень квалифицированно.

У Смирного задрожали губы. Как в прошлое лето...

– Сколь времени вы находились на балконе? Впрочем, нет. Вопрос надо ставить иначе... сколь времени вы ощущали, что на вас производится воздействие?

– Не ведаю... – Смирный судорожно потер лоб. – Я был в странном оцепенении. Наверное, не более минуты.

Теперь испугался Свет. Он потратил на постановку защитного барьера около пяти минут, и вдруг нашелся волшебник, сумевший сломать оное ментальное сооружение в течение каких-то шестидесяти секунд... Да еще успевший возвести новое, свое сооружение – за те же самые шестьдесят секунд. Здесь поневоле затрясешься!..

Но показывать испуг Буриной значило бы ввергнуть соратника в еще больший страх. Поэтому Свет, привычно поморщившись, сказал:

– Полагаю, теперь у нас с вами есть лишь один выход, брате. Вы должны немедленно отойти от дела, и пусть злоумышленник прощупывает вас сколь его душе угодно. Ничего полезного для себя, во всяком случае, он при всем своем желании не нащупает. Да, он узнает, что теперь мы убедились в его существовании... Ну и на здоровье! Ведь ему и так было известно, что мы обнаружим взлом барьера.

Соратник смотрел не мигая. Губы его по-прежнему дрожали, но страх, судя по всему, владел им не настолько, чтобы муж-волшебник Буриной Смирный обрадовался неожиданному предложению чародея Светозара Смороды.

– Сдается мне, это весьма и весьма смахивает на трусливое бегство! – Он тоже поморщился.

– Скорее уж на планомерное отступление, брате, – возразил Свет.

– Планомерное отступление происходит в тех случаях, когда больше нет сил сдерживать напор супротивника, – не согласился Буриной. – Сдается мне, преступник мгновенно поймет, насколько он сильнее нас.

Он и так это прекрасно понимает, подумал Свет. Но вслух свою мысль не высказал.

– Впрочем, наверное, вы правы, – продолжал Смирный. – Я не должен вникать в сыск. – И все же было бы полезным, чтобы я остался неподалеку от вас. Хотя бы с целью магического прикрытия.

Свет вздохнул.

Конечно, толку от Буривоева прикрытия будет, как с козла молока... Впрочем, надо полагать, брат Буривой и сам сие превосходно понимает. А ежели не понимает, то волшебником, который прояснит ему реальное положение вещей, станет кто угодно, но только не Светозар Сморода. Случившееся и так должно представляться брату Буривою в достаточной степени унижительным... Ладушки-оладушки, для финансового отчета в канцелярию Кудесника и в родное министерство мы что-либо придумаем, а княжеская казна ожидаемые непродуктивные расходы как-нибудь да осилит!

– Хорошо, – сказал Свет. – С завтрашнего утра вы станете прикрывать меня, не принимая непосредственного участия в сыске. Конечно, убийца сразу сообразит, что мы обнаружили его близкое присутствие, но, думается, он и с самого начала прекрасно понимал, что надолго от нас не затаишься. Впрочем, нам его понимание тоже не без пользы.

Смирный по-прежнему смотрел не мигая, но страха в его ауре явно поубавилось. Взял себя в руки человек... Свету даже пришлось в голову, что умей брат Буривой улыбаться, он бы непременно показал сейчас свое умение.

– А теперь отправляйтесь спать, брате, – сказал Свет. – И забудем о приличиях для гостей... Я наложу на вашу комнату охранное заклятье снаружи. Вы же сотворите заклинание изнутри.

Смирный отправился спать немного окрыленным и слегка успокоенным.

Закончив волшебные манипуляции с его дверью, Свет хотел было спуститься вниз, но потом решил, что гости бала с успехом обойдутся в своем времяпрепровождении и без столичного чародея. Княжна Снежана-то, во всяком случае, точно обойдется. А он, в свою очередь, с удовольствием обойдется без ее выходов!.. И вообще накануне завтрашнего дня не мешало бы отдохнуть. День вполне может оказаться весьма и весьма нелегким. Кстати, утром стоит отправиться в фехтовальное поприще – хотя активная магическая разрядка душе еще и не требуется, надо полностью соответствовать званию чародея. А полностью соответствовать званию означает в нашем случае – соответствовать привычкам прочих чародеев. И не давать никаких поводов для рождения слухов. Кстати, надо будет взять с собой Смирного – тому разрядка окажется гораздо более полезной... Чтобы брату Буривою не пришлось в вечеру снова почувствовать себя униженным.

Он спустился на второй этаж.

Хозяйка дома, по-видимому, поняла желания своего гостя на расстоянии. Во всяком случае, форточка в комнате была открыта для проветривания, а горничная застилала кровать.

Горничная была молодая, черноволосая и симпатичная. Белая блузка туго обтягивала пышные перси.

До чего же они все в этом доме полногрудые, подумал Свет. Как там было у сочинителя Легостая? «Налитые живительными соками»... Еще как налитые! Впрочем, мне-то какое до оных персей дело?..

Горничная между тем, достав из комода постельное белье, глянула на чародея с любопытством и явным ожиданием. Наверное, рассчитывала, что столичный волшебник снизойдет до того, чтобы перекинуться парой слов с приятной глазу прислугой. Но столичный волшебник, увы, не снизошел – аура девицы оказалась совершенно заурадной, – он просто с удовольствием смотрел на ловкие движения горничной, на ее гибкую, пышущую здоровьем и молодостью фигурку.

Девица снова кинула взор на гостя, мило улыбнулась.

И тут столичному волшебнику возжелалось, чтобы на ее месте оказалась хозяйская дочка. Конечно, княжна Снежана вряд ли когда-либо застилала даже свою собственную постель, но несомненно ее движения при этом оказались бы не менее ловкими, а фигурка не менее гибкой, чем у горничной. И удовольствие, наверное, оказалось бы не меньшим...

Увы, сие желание столичного волшебника было абсолютно несбыточным. Что ж, буде Нева не течет к Волхову, Волхов течет к Неве!.. Поэтому столичный волшебник снизошел наконец до разговора с прислугой.

– Не спешите, голубушка, – сказал он. – Ложиться я пока не собираюсь.

И вышел. Спустился по лестнице. Однако, подойдя к дверям, за которыми звучал очередной венский вальс («Ласковый Дунай»), решил, что на этот раз Волхов протечет мимо Невы. И мимо «ласкового Дуная». Самое время сейчас Волхову не толкаться промеж танцующих пар, а отправиться на небольшую прогулку. Подышать, так сказать, свежим воздухом, развеяться...

Возле особняка, вдоль подъезда и по обеим сторонам улицы, выстроились многочисленные кареты, украшенные самыми разнообразными гербами. На гербах красовались медведи и лисицы, белки и горностаи, волки и бобры. Целый зоопарк... Ожидаящие своих хозяев кучера беседовали друг с другом о дворовых девках и хозяйской милости.

Сажень в пяти слева от парадной лестницы, между кустами сирени и стеной особняка, стояла каменная скамья, и Свет незамеченным спустился к ней. Посидел минут десять, удивляясь своему равнодушному отношению к тому, что случилось с Буривоем Смирным, и ожидая от Мокоши неведомо чего. Впрочем, он-то прекрасно знал, чего именно ждет. А вдруг его начнут искать!.. Однако не менее прекрасно он знал и то, что ничего не дождется. Искать-то его в конце концов начнут. И в конце концов сии долгие поиски, разумеется, увенчаются успехом, но отыщет его вовсе не обладательница гибкой фигурки, пшеничных волос и ядовитого языка. Как бы столичному чародею этого не хотелось...

По кустам пронесся прохладный ветерок, прошелестел листьями, и в шелесте этом послышалось тихое: «Забудьте о сокровенных чаяниях! Сокровенные чаяния вовек несбыточны!» Так вроде было у Легостая...

Свет вздохнул, встал, поднялся в дом. Наступив на горло собственным желаниям, снова прошел мимо дверей, за которыми по-прежнему разносилась музыка и шаркали по паркету ноги, и отправился наверх.

Едва шагнув в коридорчик возле своей комнаты, он сразу почувствовал присутствие посторонних. А потом услышал громкий шепот:

– Да будет, Радомира! Экая вы, право, недотрога! Ужель я вам нисколько не нравлюсь? Чего ж вы вчера не сопротивлялись?

Тяжелая, синего бархата, штора, закрывающая окно в конце коридорчика, шевельнулась. Потом послышался характерный чмокающий звук – за шторой явно поцеловались. А потом взволнованный девичий голос тихо произнес:

– Оказывается, вы бойкий парень! А прикидывались таким тихоней. Вот уж не думала!.. – Звук нового, на этот раз долгого поцелуя. Судорожный вздох. – Вы мне очень нравитесь, Ярик, но буде хозяйка проводит... – Еще один судорожный вздох. – Она же выгонит нас обоих!

Свет включил Зрение.

Знамо дело, любодеев он за шторами не видел, однако ауры сияли всюю. Знамо дело, аур было две. И знамо дело, одну переполняли интенсивные цвета Додолы, а другую – Перуна. Вот только свечение Перуна было интенсивным настолько, что его вполне хватило бы и на двоих молодых парней.

Слуги, понял Свет. Играют в обжимашки, пока хозяйского глаза рядом нет. Другого места не нашли...

– Не бойтесь, Радомира, – снова донесся громкий шепот. – Откель хозяйка может проведать? Нешто лишь вы сами ей проговоритесь... Все на балу, никто нас здесь не увидит. А буде вы думаете, что я просто так, то ошибаетесь. Я ведь и жениться на вас готов с дорогой душой!

Штора опять шевельнулась. Неведомая Свету Радомира пискнула, но в писке этом прозвучал не протест – откровенное удовольствие. Так же вот пищала Забава, когда Свет стискивал ее в медвежьих объятиях...

– Вы мне не верите?

Цвета Додолы и Перуна в аурах запылали гараже.

– Я вам верю, Ярик. – Девичий голос журчал весенним ручейком. – Но не могу я так, понимаете? То за шторами, то в бельевоу...

– Да-а-а! – В голосе Ярика прозвучала нескрываемаа досада. – А с Олегом-то, небось, могли? И за шторами, наверное, и в бельевоу?... Вот токмо он теперь нигде не сможет! Отвоевался, добрый молодец!

– Экий вы, Ярик... – Весенний ручеек превратился в гадючье шипение, а цвета Додолы сразу потускнели. – С Олегом у меня ничего не было. Я сразу дала ему по рукам. И зря вы так!.. Негоже так о больном человеке! Он выздоровеет!

– Счастливы живущие надеждами! – сказал с усмешкой Ярик. – Но надежды не всегда исполняются...

Цвета Додолы потускнели еще больше, и Свет понял, что неведомая Радомира сейчас взмутится и выскочит на белый свет. А выскочив, застучает подслушника на месте преступления. Как Легостаевская героиня Урса Ниу-Гел – своего младшего брата Симмонса, тайно следящего за любовными похождениями сказочно повзрослевшей сестры... А значит, оному младшему брату не остается ничего иного, окромя как срочно кашлянуть.

И Свет срочно кашлянул.

Девуца тихонько вскрикнула, из-за шторы высунулось юное личико, обрамленное растрепанной иссиня-черной гривой. Распахнутые глаза, перепуганный взгляд, красок Додолы след и вовсе простыл. Зато страха – хоть отбавляй! Давешняя горничная...

А потом выглянул не менее испуганный Ярик. Его Свет тоже узнал – это был пшенично-волосый кучер, любитель «Мамочкиного платочка», возивший их к месту преступления и в принципат.

Почему-то беленьким очень часто нравятся черненькие, подумал Свет, и мысль эта показала ему столь неожиданной, что он удивился. Еще вчера чародею Смороде и в голову бы не пришло задуматься – кто кому и по какой причине может понравиться. Впрочем, нет, вчера бы – пришло. А вот еще в прошлое лето... Ему вдруг захотелось оказаться где-нибудь в другом уголке дома, там, где он не мог бы помешать влюбленной парочке.

Леший меня сюда понес, подумал он. Зашел бы в гридницу, поглядел, как танцуют, об кого кикимора свой язычок чешет...

Он снова кашлянул и, сделав вид, будто не заметил целующихся, скрылся в своей комнате.

Кровать была до сих пор не заслана. И форточка – по-прежнему открыта.

Наверное, целеустремленный Ярик специально подкарауливал момент, когда столичный чародей спустится вниз, и тут же принялся мешать Радомире исполнять ее служебные обязанности. Хорошо, хоть в коридор выйти догадались. Наверное, думали, там они услышат чужие шаги. Но слишком уж увлеклись друг другом... А если бы Свет пришел чуть позже? Интересно, можно ли работать корнем стоя или сидя? Надо будет как-нибудь предложить Забаве такой способ...

Зазвонил колокольчик.

– Прошу! – крикнул Свет.

Вошла давешняя служаночка, замерла, едва перешагнув порог. Растрепанные волосы наспех уложены в некое подобие прически и для маскировки украшены ослепительно-белой кружевной наколкой, блузка застегнута на все пуговицы. Вот только обтянутые блузкой перси все еще бурно вздымались.

Быстро она привела в порядок одежду, подумал Свет. А вот себя – оказалось, сложнее!

– Я застелю постель, чародей? – Голос снова звучал весенним ручейком.

– Да, конечно, Радомира, застилайте.

Шагнувшая было к кровати девица замерла.

– Ой, вы, наверное, все слышали...

– Что я слышал? – прикинулся непонимающим Свет.

– Ну там, в коридоре, за портьерой, нас с Яриком. – Она вдруг всплеснула пухлыми ручками и взмолилась: – Я прошу вас, чародей, токмо не говорите ничего хозяйке! Ярика накажут, а то и выгонят. И меня могут... Мы ведь не делаем плохого!

В глазах ее не было зелени, и потому Цветану Нарышкину не ждали неприятные сюрпризы, приводящие к поиску новой служанки. Впрочем, ему-то, Свету, какое до всего этого дело? Пусть бы даже хитрые девичьи глазки и заволокло зеленой тиной!..

– Да я, собственно, ничего и не слышал... – Свет ухмыльнулся про себя. – И в любом случае хозяйке о вас не скажу.

– Правда? – Мольба в голосе Радомиры сменилась безудержной радостью.

– Клянусь Семарглом! – Свет приложил десницу к сердцу.

Ему вдруг показалось, что не будь он волшебником, горничная не удержалась бы и сказала ему, как сильно она любит своего милого Ярика.

Тем не менее, когда девица, застелив постель, закрыв форточку и выслушав указание, в какой час разбудить гостей, удалилась, он проверил сохранность заклатья на колдовском бауле. Баул пребывал в полном порядке.

Можно и укладываться, но ведь ныне пятница.

А посему Свет заставил себя взяться за привычные тренировочные занятия.

Тренировка, к его немалому удивлению, оказалась весьма продуктивной. Заклинания творились как никогда легко. Привычная злоба же – почему-то не просыпалась. Наверное, именно по этой причине настроение стремительно улучшалось, а недавние желания переставали теснить душу.

Вот вам, разлюбезная княжна Снежана, подумал он, стягивая с себя чародейский балахон. Не очень-то и хотелось! Оттачивайте свой злой язычок, кикимора, на каком-нибудь красавце-ратнике. Он примет ваши безудержные дерзости за скрытые авансы. Мы же ныне – ляжем баиньки. А завтра, на свежую голову, еще поразмыслим над тайными причинами вашего странного поведения. Не ваших ли рук дело – ситуация, в которой брат Буриной почувствовал себя униженным?

И только укрывшись одеялом, Свет вдруг понял: раньше мысль о том, что муж-волшебник Буриной Смирный может в определенных ситуациях почувствовать себя униженным, чародею Смороде бы и в голову не пришла.

5. Взгляд в былое. Снежана.

Снежана Нарышкина с детства не любила волшебников. Вернее, она была к ним абсолютно равнодушна.

Девочка с младых ногтей знала, что принадлежит к великородной словенской семье. Род Нарышек в стародавние времена происходил из тех же корней, что и великокняжествующая династия. И подобно Рюриковичам придерживался испытанных веками традиций.

В семьдесят шестое лето, в теплый осенний месяц вересень, двадцативосьмилетний отпрыск рода Нарышек по имени Белояр обвенчался с представительницей не менее древней словенской фамилии, девятнадцатилетней девицей Цветаной Лопухиной. Поелику брак сей был заключен договорно между главами семей, то новоиспеченной жене потребовалось определенное время, чтобы привыкнуть к своему супругу и влюбиться в него. Потом, как заведено богами, к молодой княгине пришел зеленец, и Цветана тут же понесла. В крепкие сеченские морозы семьдесят восьмого она благополучно разрешилась от бремени первенцем. Нарекли первенца дедовым именем – Найден.

А почти ровно семь лет спустя (правда, зима восемьдесят пятого была, по словенским понятиям, не в меру мягкой) в семье Нарышек родилась и первая дочь. Отец Снежаны, у коего к тому времени было уже два сына, в дочурке души не чаял. И хотя вскоре любезная супруга принесла ему еще двух девочек, старшая дочь навсегда осталась для князя Белояра самой ненаглядной. Тем паче что Снежана первой из дочерей и ушла из родительского дома, переселившись в орешекский Институт великородных девиц.

Вестимо, колдуны существовали в жизни Снежаны всегда. Они окружали ее в стенах родительского дома. Они вертелись пред очами девчушки в загородных поместьях Лопухов и Нарышек. В Институте без них, знамо дело, тоже было не обойтись. Подобно всем детям великородных, Снежана относилась к волшебникам, как к обычным слугам или ремесленникам. Ну чем, скажите пожалуйста, колдун отличается от кузнеца или портнихи?.. Только тем, что один работает с металлом, вторая – с парчой или канифасом, а третий – с разнообразными заклятьями. Отличка невелика!.. И в конце концов, все они обеспечивают свое существование деньгами ее отца.

Постепенно, правда, по мере получения знаний о жизни родного княжества и устройстве подлунной, Снежана стала понимать, какое место волшебники занимают в структуре общества, но это случилось много позже, а детское отношение к ним осталось неизменным. Впрочем, она понимала и другое: действительно огромную роль в существовании страны играют лишь несколько десятков наиболее квалифицированных чародеев, огромное же большинство колдунов способны лишь накладывать охранные заклятия, оберегать Снежану от сглаза да связываться друг с другом через волшебное зеркало. Были, правда, в семье Нарышек образцы и другой волшебной техники, для работы которой требовалась магическая поддержка обладателей Семаргловой Силы, но Снежана ввек оной техникой не интересовалась и, поедая свеженький эскалоп, индо вопросом не задавалась, приготовил ли повар сей эскалоп на обычной плите или с использованием колдовской помощи. И токмо к пятнадцати летам, когда институткам начали преподавать основы ведения домашнего хозяйства, девица узнала, что мясо, поджаренное с применением волшебных чар, получается вкуснее, чем приготовленное без оных. Вкуснее и для здоровья полезнее – организм получает много меньше злотворных жиров.

На лето раньше Снежана получила чуть-чуть иные знания. Среди институтских пестуний насчитывалось несколько тайных додолок – Орден дочерей Додолы раскинул свои сети по всему словенскому обществу. Учительницы сии, разумеется, не обошли вниманием и представительницу рода Нарышек. Так была сделана попытка бросить в душу Снежаны семечко сокровенного желания.

Увы, дерево из семечка не выросло. Волшебники для княжны Нарышкиной по-прежнему оставались чем-то вроде мебели. Или сродни паровозу. Да, везет себе – чух-чух-чух! – и везет. Но ведь для того и создан, чтобы перевозить людей.

В семнадцать Снежана, получив положенное всякой великородной девице образование, вернулась в родительский дом. Через два дня опосля этого события Белояр Нарышка устроил в честь возвращения дочери великосветский бал. На этом балу Снежана и повстречалась с братовым начальником и приятелем, мужем-волшебником Ключем Колоткой. И Ключ Колотка, вестимо, был тут же представлен Сувором родимой сестричке.

Гремела музыка, кружились по гриднице пары, говорились изысканные комплименты... Ключ Колотка комплиментов княжне Нарышкиной не говорил – не изысканных, не гожих лишь для челяди. Однако росток, взлелеянный пестуньями-додолками в душе Снежаны и подпитанный собственными желаниями просыпающейся в полудетском теле женщины, пробил, наконец, твердую почву великородной неприязни да равнодушия и превратился в дерево. Вестимо, дерево оказалось таким же крохотным, как еще не оформившаяся грудь юной барышни. Таким же крохотным и таким же горячим...

Потом были иные балы и иные встречи. Впрочем, встречи происходили и без балов: Ключ Колотка часто посещал дом Нарышек. С каждым посещением дерево неуклонно разрасталось. Рост его был трудным и мучительным – мешали полученные Снежаной знания и воспитание. В отличие от древа любви девичья грудь росла гораздо быстрее. К следующей весне она превратилась в полновесные взрослые перси.

Снежана часто запиралась в комнате, донага скидывала одежду и с удовольствием разглядывала в зеркале свое меняющееся тело – посмотреть уже было на что. Вот токмо Ключ Колотка не замечал ни пышнющих персей Снежаны, ни созревающих в ее сердце тайных желаний. «Здравы будьте, княжна Снежана!» да «Оставайтесь с миром, княжна Снежана!»...

Вестимо, Снежану подобное отношение волшебника изрядно задевало – девица, как и большинство дочерей великородных, выросла самолюбивой да избалованной излишним вниманием. Однако, ко всему прочему, она была и терпеливой. А то, что терпение – добрая половина любого успеха, Снежана поняла еще в институтские времена. Приложили к этому свою настойчивую длань и додолки. Поэтому Снежана умела ждать. И готова была ждать до тех пор, покуда Ключ не прозреет. Или покуда папенька своей рукой не прекратит сам процесс ожидания – Белояр уже поговаривал о выгодной партии для дочери. И даже имя будущего жениха называл: Сила Кабан – тоже из великородных.

Скорее всего Снежана подчинилась бы отцовской воле. А может и нет – она сама еще того не ведала. Однако как бы то ни было, сокровенных желаний Снежаны имя будущего жениха изменить уже не могло.

Желания зрели и зрели. Зрели и перси. По всему получалось, что вскоре к тайно влюбленной девице должен был прийти страшный для неразделенной любви первый зеленец.

Но на пороге осени 7503 лета Мокошь рубанула по желаниям княжны Нарышкиной пала-ческим топором.

6. Ныне: век 76, лето 3, вересень.

Наутро заняться фехтованием не удалось.

Ключградские сыскники, по-видимому, накануне поработали справно, потому как, едва в семье Нарышек закончился завтрак (участия в котором, окромя Сувора, никто из хозяев не принимал), из зеркальной примчался дежурный колдун и, с трудом переводя дыхание, доложил, что принципал министерства безопасности по Северо-Западному рубежному округу Порей Ерга срочно вызывает столичных волшебников на совещание.

К принципалу отправились в сопровождении князя Сувора, воспользовавшись вчерашней каретой, коей управлял вчерашний же кучер – Радомирин любодей Ярик.

Садясь в карету, Свет подмигнул ему, но кучер сделал вид, будто не заметил чародеева легкомыслия.

Сувор Нарышка, судя по всему, не выспался, то и дело зевал, деликатно прикрываясь ладонью, и дорога прошла большей частью в молчании. Свет с Буривым лишь переглядывались – опосля случившегося вечер на балу нынешняя бессловесность молодого князя их вполне устраивала.

Ерга принял столичных сыскников без задержки. В кабинет вошли втроем.

После коротких приветствий принципал сказал:

– Я получил приказ об изменении ваших задач. – Он достал из стола украшенную гербом бумагу. – Вам предписывается остаться в Ключграде и принять непосредственное участие в сыске убийцы.

Свет взял документ в руки, прочел.

Под приказом стояла подпись самого Путяты Утренника. Причем министр безопасности не только предписывал столичным колдунам оставаться в распоряжении принципала Порей Ерги, но и выражал уверенность, что работа в Ключграде волшебников с таким уровнем Таланта и таким опытом работы как у сударей Смороды и Смирного приведет к быстрому и успешному завершению сыска.

Свет хмыкнул про себя, расписался в приказе и передал бумагу Буривою Смирному. Когда тот в свою очередь ознакомился с распоряжением непосредственного начальства, Свет сказал:

– Все ясно, сударь принципал! Приказ министра мы, разумеется, выполним. – И после небольшой паузы добавил: – Однако мне бы не хотелось все время нашего молодого хозяина, занимая его совещаниями.

У Сувора Нарышки отвисла челюсть.

Не будь Ерга стреляным воробьем, он бы последовал примеру своего подчиненного. Однако стреляный воробей позволил себе лишь похлопать глазами – челюсть его осталась на месте.

– Думаю, у князя Сувора найдутся более важные занятия, нежели слушать, как мы тут обсуждаем уже известную ему информацию, – заметил Свет, понимая, что столь неожиданный поворот может быть и не постигнут с первого раза.

Порей Ерга перевел взгляд на Нарышку.

Повинуясь молчаливому распоряжению принципала, тот поднялся и направился к двери. На лице его жила нескрываемая обида.

– Помощь нашего радужного хозяина нам понадобится еще не единожды, – сказал ему в спину Свет. – Я в этом абсолютно уверен.

На этот раз стреляный воробей по имени Порей Ерга глазами не хлопал.

– Княже, вы мне очень скоро понадобятся. Не покидайте своего кабинета!

Сувор Нарышка исчез в приемной.

Принципал дождался, пока дверь затворилась, и с нескрываемым раздражением произнес:

– Надеюсь, судари волшебники, ваши объяснения окажутся достаточно серьезными, чтобы оправдать подобное обращение с сыном князя Белояра.

Через пять минут Светова монолога, в коем чародей упомянул и о перепуганных ключградских колдунах на балу, Ерга сам счел услышанные объяснения достаточно серьезными, чтобы оправдать содеянное с его подчиненным. Паче того, он счел оные объяснения серьезными настолько, что индо не смог скрыть своего ужаса. Столичные сыскники-волшебники деликатно не заметили его секундного замешательства, а когда Ерга нахмурился и стиснул перстами десницы волевой подбородок, Свет сказал:

– Полагаю, брату Смирному тоже не след занимать свое внимание дальнейшим разговором.

Буривой тут же поднялся и, коротко кивнув принципалу, вышел из кабинета.

– Ужель вы подозреваете Сувора Нарышку! – воскликнул Ерга, когда они остались со Светом один на один.

– Конечно, нет, – сказал Свет. – Но после того, что произошло вчера с моим соратником, чем меньше князь Сувор будет знать, тем лучше для дела. Он ведь не волшебник, он даже понять не сможет, что его прощупали. И все его знания тут же станут известны предполагаемому лазутчику. Понимаете?

Ерга понимал. Но он понимал не только это.

– А где гарантия, что не прощупывали вас, чародей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.